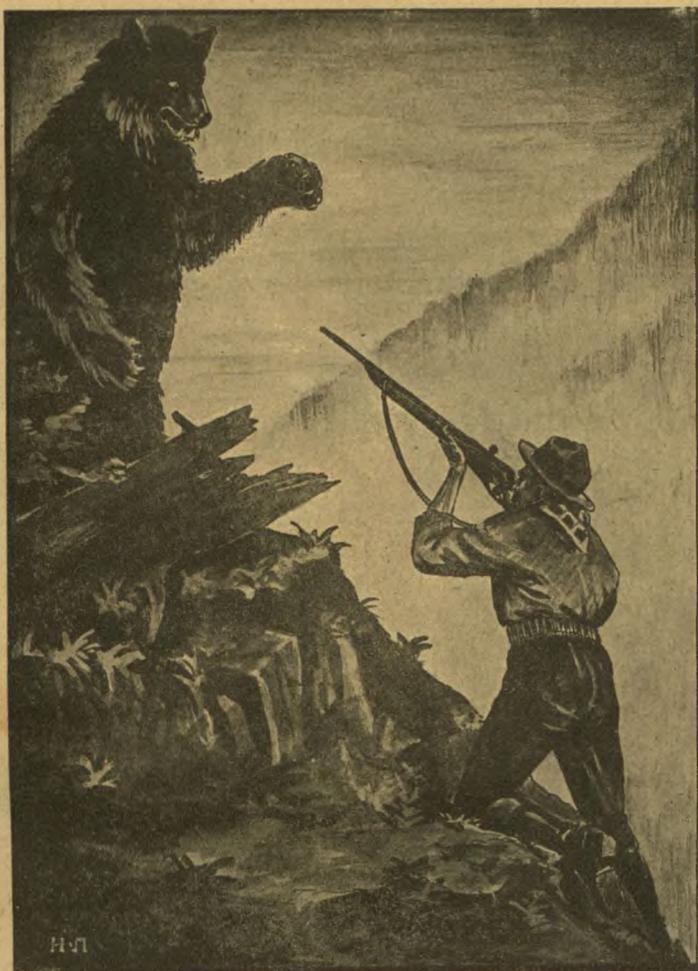

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 13

ИЮЛЬ

1926 г.

Н.П.

Содержаніе:

	Стр.
Бѣшеная собака. Разсказъ Ив. Наживина съ 3 рис.	3
Колодезь мира и жизни. Восточное сказаніе Н. Каразина съ рис.	6
Наводненіе. Разсказъ Каренъ Михаэлисъ съ 3 рис.	13
Въ славонскомъ лѣсу. Стих. В. Вячеслав- скаго	17
Неожиданная встрѣча. Разсказъ Д. Гамильтона съ 3 рис.	18
Первый громъ. Стих. А. Дехтерева	21
Силуэты русскихъ дѣтей. Очеркъ Валерія Левитскаго	22
Плѣнники города на волѣ	23
Пѣвческіе праздники въ Латвіи	25
Бой-скаутъ	26
Радио	27
Юный филателистъ	28
Уголокъ смѣха	28
Игры и занятія	29

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Сѣрый домикъ“, романъ Л.
Кормчаго, листъ 1-ый.

Ю Н Ы Й Ч И Т А Т Е Л Ь

1926 г.

III.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“
РИГА.

Печатано въ типографіи
Акц. Об-ва Печ. Дѣла „САЛАМАНДРА“.
Рига, Бл. Кузнечная ул. № 43.

Рядомъ съ Борискиной избой жила тетка Матрена. Она была вдова; мужъ ея, дядя Митрій, этой весной при вязкѣ бревенъ въ плоты для сплава по Окшѣ оступился, упалъ въ ледяную воду и, простудившись, отдалъ душу Богу. Матрена осталась одна съ четырьмя маленькими дѣтьми; старшему, Кондрашкѣ, шель шестой годъ, а самой маленькой, Дуняшкѣ, было, когда померъ отецъ, всего двѣ недѣли.

Трудно жилось теткѣ Матренѣ. Нанять работника было не на что, а одной править все мужицкое дѣло по хозяйству трудно. Единственной помощницей ея была двѣнадцатилѣтняя Марфутка, которую она наняла себѣ въ няньки.

Марфутка была круглая сирота: мать ея умерла, когда ей было всего пять лѣтъ, а отца она и не помнитъ. Взялъ ее къ себѣ родной дядя, но у него и своей дѣтворы была полная изба, а жилъ онъ бѣдно, и потому онъ съ семи лѣтъ началъ отдавать Марфутку въ люди.

Не сладко жилось Марфуткѣ у тетки Матрены. Работы было пропасть и работы тяжелой, а радости мало. Измученная сверхъсильнымъ трудомъ и постоянной тяжелой заботой, тетка Матрена была всегда хмурой и сердитой. Какъ Марфутка ни старалась, а угодить на нее не могла: все-то она сердится и бранится, а иногда и стучушку дастъ. Не разъ передъ сномъ, лежа, свернувшись въ комочекъ въ своемъ уголкѣ на полу, Марфутка горько плакала и молила умершую мать, которую она хорошо помнила, чтобы она взяла ее скорѣе къ себѣ, гдѣ, у

Боженьки, должно быть, такъ радостно, такъ привольно жить.

Наступило жнитво. Тетка Матрена съ Марфуткой совсѣмъ замотались. Тетка Матрена уходила жать еще до зари и забѣгала домой лишь въ полдни, чтобы покормить грудью Дуняшку, наскоро поѣсть самой, а потомъ опять бѣжать въ поле до поздней ночи. Почти вся домашняя работа лежала теперь на Марфуткѣ: надо было и корову подоить, и печку истопить, и ребенка няньчить, и воды принести, и постирать какое ни на есть лопотышко, и чего-чего еще не приходилось передѣлать за день ея худенькимъ дѣтскимъ ручонкамъ!... Стали онѣ съ теткой Матреной на себя не похожи, — исхудали, почернѣли.

Было раннее утро. Солнышко еще не всходило. Матрена, убравшись въ поле, подняла и Марфутку. Та вскочила, шатаясь отъ усталости.

— Ты, смотри, управляйся съ дѣтьми сегодня поскорѣе... — говорила тетка Матрена. — А какъ солнце будетъ подходить къ полднямъ, такъ ты Дуняшку покормить принеси мнѣ въ поле — мнѣ неколи домой прибѣгать... Кончатъ надо...

— Ладно... — хриплымъ со сна голосомъ отвѣчала Марфутка. — Принесу...

Тетка Матрена взяла узелокъ съ хлѣбомъ и бурачокъ съ квасомъ и пошла. Но только она вышла за ворота, какъ на другомъ концѣ деревни послышались крики. Матрена остановилась. Народъ выбѣгалъ съ дворовъ и, совсѣмъ ошалѣвъ отъ страха, съ чѣмъ попало гнался за бѣжавшей серединой улицы боль-

шой пестрой собакой. Федька, Борискинъ братъ, какъ сумасшедшій летѣлъ за ней съ ружьемъ.

— Бѣшеная!... Бѣшеная!... — кричали всѣ. — Бѣшеная!...

Ходили слухи, что во Фрязинѣ сбѣсилась передъ жнивами собака; эту собаку никто въ Лужкахъ не зналъ: ужъ не бѣшеная ли?

Да она и была похожа на бѣшеную: исхудалая, взъерошенная, съ поджатымъ хвостомъ...

— Бѣшеная!... Бѣшеная!...

Тетка Матрена перекрестилась и, отступивъ во дворъ, захлопнула за собой разбитую калитку. Марфутка даже поблѣднѣла вся.

Марфутка затопила печку, приставила вареву, подняла, умыла и накормила ребятъ, прибрала въ избѣ и около полдень, какъ наказывала ей тетка Матрена, отправилась въ поле. Дуняшку она несла на рукахъ; двухлѣтняя Пашонка ковыляла рядомъ на своихъ кривыхъ ножкахъ, зацѣпившись за Марфуткину юбку; сзади тащились нехотя — жарко очень было — Мишутка съ Кондрашкой...

А Матрена тѣмъ временемъ жала и жала, вся обливаясь потомъ. Ей казалось, что Марфуткѣ давно бы пора придти, и она начинала сердиться.

Сама стала впереди и растопырила руки...

На улицѣ хлопнулъ выстрѣлъ, раздался короткій взвизгъ собаки. Крики усилились... Тетка Матрена пріоткрыла калитку. Собака свернула на выгонъ и кустами лозняка ударилась въ лѣсъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!... — проговорила она и съ тайно дрогнувшимъ сердцемъ сурово сказала Марфуткѣ: — Смотри, гляди за ребятами хорошенько... Долго ли до грѣха?...

И ушла.

— Экая хабалка, дѣвчонка, прости Господи!... — проговорила она, наконецъ и, бросивъ въ сердцахъ серпъ, поднялась на поросшій орѣшникомъ пригорокъ, съ котораго была видна вся дорога до Лужковъ.

Прикрывъ глаза отъ солнца рукой, она поглядѣла къ деревнѣ: въ полуверстѣ тащилась съ дѣтворой Марфутка. Только было хотѣла тетка Матрена закричать, чтобы Марфутка шла скорѣе, какъ вдругъ

— окаменѣла: по дорогѣ прямо на дѣтей бѣжала бѣшеная собака!

Въ это же мгновенье увидела собаку и Марфутка и тоже вся застыла отъ ужаса. А собака все ближе и ближе... Марфутка уже ясно видитъ ее, взбѣрошенную, худую, всю въ крови отъ Федькиной дробы, должно быть...

— Господи, что дѣлать?... Господи...

Она положила, почти бросила, Дуняшку на траву, толкнула къ ней Пашонку и Кондрашку съ Мишкой, а сама стала впереди и растопырила руки.

Собака совсѣмъ рядомъ.

— Тютка... Тютка... — дрожащимъ голосомъ позвала Марфутка. — Шарикъ... Волчокъ...

Собака остановилась.

Матрена, окаменѣвшая отъ ужаса, стояла, какъ вкопанная. Даже покрывать народъ, жавшій тутъ же на полосахъ, у нея силъ не было...

— Шарикъ!... Волчокъ!... — замирающимъ голосомъ повторяетъ Марфутка. — Подъ сюда! Мы ничего, ничего, подь...

Собака, робко махая хвостомъ, пошла къ Марфуткѣ.

Тетка Матрена съ крикомъ рванулась къ дѣтямъ...

Собака подошла, лизнула Марфуткину руку.

— Шарикъ... Тютка... — повторяла та, слабѣя.

Собака легла къ ея ногамъ и, тихонько повизгивая, точно жалуюсь, стала ластиться. И въ робкихъ глазахъ загнаннаго животнаго стояло

недоумѣние: «за что меня, потерявшаго хозяина, пса, всѣ преслѣдуютъ? Кому я причинила зло?» Но Марфутка не понимала бѣдной собаки и вся тряслась...

По дорогѣ летѣла, задыхаясь, тетка Матрена. Увидя ее, собака вскочила и побѣжала прочь, а обезсиленная Марфутка упала на траву и разрыдалась...

Матрена, вся въ слезахъ, вся дрожащая, не знала, что дѣлать; то одного обниметъ ребенка, то другого, а сама лопочетъ: «Матушка... Заступница... Микола Милостивый... Точно чуяло сердце мое...»

— Мамка... — говорилъ ничего толкомъ не понимавшій Кондрашка, — мамка!... А какую мы собаку видѣли!... Энь она!... Пестлая, болсуся!... Энь бѣжить!... А Малфутка не дала насъ кусать...

— А Малфутка не дала-а!... — протянулъ Мишутка:

Тетка Матрена и сама видѣла, что Марфутка не дала. И она опустилась къ рыдавшей Марфуткѣ.

— Испугалась, родимая!... — ласково, дрожащимъ голосомъ, проговорила она, цѣлуя русую головку дѣвочки. — Ну, не плачь, дѣвонька, не плачь, дитятко!... Ничего...

И она нѣжно гладила дѣвочку по головѣ, по всему худенькому тѣльцу, и на глазахъ ея были слезы: она вспомнила, какъ обращалась она съ Марфуткой...

А Марфутка все плакала, но уже не отъ страха теперь, а отъ неожиданной и непривычной ласки...

Марфутка плакала отъ неожиданной и непривычной ласки.

Н. КАРАЗИНЪ.

Колодезь мира и жизни.

Восточное сказаніе.

I.

Въ безводной степи, между высокими барханами сыпучихъ песковъ, тамъ, гдѣ чуть виденъ полузанесенный слѣдъ караванный, — Богъ вѣсть когда, Богъ вѣсть кѣмъ выкопанный, — таится чудный колодезь.

На трое сутокъ пути, во всѣ стороны, нѣтъ, и не было никогда, ни одной капли воды; мертвая, холодная степь лежала вокругъ, но здѣсь, у этого одинокаго колодца, истомленные путники утоляли жажду и покойно отдыхали, набираясь силъ на новый многотрудный путь, вторую половину всего пройденнаго.

Холодная, чистая какъ кристаллъ, животворная вода колодца служила одинаково всѣмъ: и мирному купцу, и набожному богомольцу, и хищнику-вору, рыскающему по степи на страхъ и тому и другому. И всѣ свято чтили колодезь, съ молитвою подносили чашу съ водою къ иссохшимъ отъ жара устамъ, чтили самое мѣсто вокругъ колодца... И до сихъ поръ не находилось еще ни одной святотатственной руки, которая дерзнула бы осквернить пролитую кровью вѣковую святыню.

И назывался этотъ колодезь у всѣхъ однимъ именемъ: «Колодезь мира и жизни».

Шагахъ въ десяти отъ чернаго зіяющаго жерла колодезнаго, — давно, какъ и не помнить никто изъ самыхъ старѣйшихъ, — стояла старая, закопченная войлочная кибитка, больше чѣмъ наполовину рытая въ желтый песокъ; и въ этой кибиткѣ жилъ, и зиму и лѣто, старый Ходдай-Магометъ, благочестивый мулла, мудрый наставникъ и совѣтникъ во всѣхъ нуждахъ и сомнѣніяхъ человѣка, лю-

Въ этой кибиткѣ жилъ, и зиму и лѣто, старый Ходдай-Магометъ.

бимецъ великаго пророка, вдохновленный самимъ Аллахомъ всемогущимъ, святой стражъ святаго мѣста.

Ходдай-Магометъ питался тѣмъ, что оставляли ему проѣзжіе. Да и немного нужно было неприхотливому старику: горсть варенаго риса да чашка воды достаточны были для поддержанія его жизни.

Проходили дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, — никто не приходилъ къ нему, и его не тяготило, не смущало его душу это одиночество.

Съ мыслью о Богѣ, о Его безконечности и безпредѣльномъ величїи, молча сидѣлъ онъ въ благоговѣнномъ созерцанїи, и его сухія, блѣдныя губы, даже и во время сна, шептали однѣ только молитвы.

Но вотъ, изъ далека-далека, степной вѣтеръ донесетъ мелодичный звонъ колокольчиковъ, чуть замаячатъ въ знойной мглѣ мѣрно идущія вереницы тяжело-навьюченныхъ верблюдовъ, — старикъ торопливо тащить изъ своей кибитки кожаныя ведра, длинные волосяные арканы, раскладываетъ ихъ у жерла, собираетъ сухой пометъ для костровъ и, протянувъ свои костлявыя дрожащія руки, встрѣчаетъ

прибывшихъ благословеніемъ покоя и мира. И не спрашиваетъ онъ никого, ни — кто, ни — зачѣмъ, ни — откуда?

Старый бекъ, Ширали-Кабаклынский, когда еще былъ ребенкомъ, слыхалъ отъ своего отца про чуднаго старца Ходдай-Магомета; когда самъ бекъ, состарившись, ходилъ съ богомольцами въ Мекку, Господь привелъ и ему видѣть лично святаго стража святой воды, со всѣмъ схожаго съ описаніемъ отца-покойника. Ходило преданіе, что Ходдай-Магометъ будто бы самого Тимура заживо помнить, и люди этому преданію вѣрили.

Пути Всевышняго неисповѣдимы, и нѣтъ предѣла Его милостямъ.

II.

Давно уже спалъ жгучій жаръ, и багровое солнце медленно опускалось за потемнѣвшіе барханы. Синяя тѣнь легла по ложинѣ, и остыли за день накаленные пески.

До слуха Ходдай-Магомета доносясь слѣпшій топотъ конскихъ ногъ, и скоро увидѣлъ онъ всадника о «дву-конь», направлявшагося къ колодцу.

Это былъ человѣкъ молодой, стройный какъ пальма, сильный какъ левъ, красивый какъ женщина. Дорогая одежда, дорогое убранство коней, смѣлый и гордый взглядъ и величавая осанка, — обличали въ немъ не простого путника, не купца, не пилигрима, не разбойника, вора-оборвыша.

Онъ слѣзъ съ вороного коня, перебросилъ поводья на сѣдло другого, тоже чернаго какъ смоль, безъ отмѣтки, — и чудные бѣгуны стали какъ вкопанные, дружелюбно обнюхивая другъ друга.

— Да благословитъ Аллахъ прибытіе твое! — произнесъ Ходдай-Магометъ.

— Спасибо! — отвѣтилъ прибывшій и сѣлъ на песокъ, гремя чеканеннымъ, убраннымъ бирюзой оружіемъ.

— Мирный покой съ миромъ идущему! — помолчавъ съ минуту,

произнесъ старикъ, и на его губахъ быстро мелькнула странная усмѣшка, — только мелькнула на мигъ, словно ящерка, молнией сверкнувшая черезъ тропинку.

А юный гость молчалъ, лежа на песокъ, скрывая подъ внѣшнимъ покровомъ гордости явное смущеніе.

Пока ѣхалъ онъ дорогою, все такъ хорошо сложилось въ его головѣ, — все, что онъ долженъ былъ здѣсь говорить этому сѣдому старцу; все, слово за словомъ, низалось на одну нить мышленія... Приѣхалъ, увидѣлъ, пришла пора дѣйствовать — и порвалась эта нить, рассыпались по степи слова, языкъ не повинуется волѣ.

— Гдѣ люди твои, господинъ? — промолвилъ Ходдай-Магометъ.

— За мною идутъ... Отстали, — обрывисто отвѣтилъ приѣзжій и, словно замѣтивъ опять мелькнувшую на губахъ старика усмѣшку, добавилъ, будто оправдываясь: — они идутъ тихо, съ ними верблюды; я думаю, будутъ на мѣстѣ...

— Они не придутъ вовсе. Ты одинъ въ пути! — тихо промолвилъ мулла, такъ тихо, что гость и не слышалъ его словъ, а только понималъ ихъ значеніе, и, смущенный, сталъ рыть песокъ ножами кинжала.

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Никто больше ни слова не говорилъ, — и тихо-тихо было въ степи, только кони грызли стальные удила да нетерпѣливо фыркали, чуя близкую воду.

— У меня тамъ... — началъ приѣзжій красавецъ, — въ самой срединѣ города, на просторной площади — чудная мечеть, вся изъ бѣлаго мрамора... Узорными лентами выются по карнизамъ святыя изреченія, золотомъ горитъ круглый куполъ, и, будто свѣчи, несутся въ небо стройные минареты... Мягкіе ковры устилаютъ полы и ступени... Тѣнистый садъ съ трехъ сторонъ окружаетъ этотъ домъ молитвы, и въ саду томъ журчатъ и струятся ручьи, вливая воду въ мраморные

бассейны... Много муллъ и ученыхъ живеть при этой мечети, и живутъ безъ заботъ и лишеній, живутъ какъ въ раю, наслаждаясь всѣмъ, что только дано человѣку для наслажденія... Хочешь, старикъ, жить тамъ, надо всѣми ими старшимъ, первымъ муллою моего города?

— Аллахъ указалъ мнѣ здѣсь мое мѣсто, — отвѣтилъ старикъ.

Пріѣзжій нетерпѣливо приподнялся на локоть.

— Тысячи-тысячъ народа сходятся въ мой городъ и благоговѣнно ждуть у порога мечети святого слова... Хочешь одинъ говорить съ ними, хочешь одинъ учить ихъ?... Вѣдь эти тысячи-тысячъ преклонятся передъ тобою и во всѣ концы земли разнесутъ о тебѣ славу великаго пророка.

— Послѣдній ученикъ я, — не учитель. Не мнѣ суждено тягаться славою со славными... Напрасно ты тратилъ на меня свои льстивыя рѣчи!

— Упрямый старикъ! — вскочилъ на ноги красавецъ-гость и быстро подошелъ къ конямъ.

Тамъ онъ отвязалъ отъ сѣдла тяжелый мѣшокъ, оборвалъ шелковый шнурокъ, его связывающій, — и на влажный отъ ночной росы песокъ посыпались, даже при свѣтѣ звѣздъ, огнемъ сверкающіе червонцы.

— Это все твое, — говорилъ онъ, задыхаясь: — все! Окажешь услугу, сдѣлаешь, что мнѣ надо, еще получишь вдвое, втрое... Получишь все, чего только у меня не потребуешь...

— Я золотомъ не питаюсь... И здѣсь, въ мертвой пустынѣ, мнѣ даже мѣдной чеки не нужно. Убери это... Оно горитъ какъ кровь, а крови эти пески еще не видали...

Вспыхнули недобримъ огнемъ глаза у гостя, и рука сама собою потянулась къ оружію, а старикъ сидѣлъ покойно, только, словно въ дремотѣ, склонивъ на сухую грудь свою дряхлую голову.

— Не большой услуги прошу я у

тебя... — заговорилъ снова гость, поборовъ охватившее его волненіе.

— Знаю, — чуть слышно произнесъ Ходдай-Магометъ.

И опять наступило долгое обоюдное молчаніе.

— Со свѣтомъ зари утренней иди отсюда, старикъ, — снова раздался голосъ гостя: — иди, пока не утомятся твои ноги, иди за песчаные холмы и жди тамъ до новой зари, до новаго восхода солнечнаго... Вотъ, о чемъ я молю тебя, вотъ за что я сдѣлаю все, что ты пожелаешь.

— И придетъ эта новая заря, и вернусь я на свое мѣсто, — сказалъ въ отвѣтъ Ходдай, — и не найду я капли воды въ святомъ сосудѣ... Смерть заступитъ мѣсто жизни, стыдъ и позоръ лягутъ на мою сѣдую голову, грѣхъ великій, смертельный, на мою душу, горе и скорбь на неповинныхъ людей...

— Пстой! — вскочилъ на ноги гость. — Такъ ты и это знаешь? Сквозь двойную кольчугу ты прочелъ въ моемъ сердцѣ... Колдунъ!

Гнѣвомъ вспыхнули его глаза; словно сама вылетѣла изъ ноженъ кривая пашка...

— А знаешь ли ты, вѣщій, знаешь ли ты, что съ тобою самимъ сейчасъ случится?...

— Знаю, — спокойно, безъ страха глядя на гостя, произнесъ старикъ, — знаю. Завтра же, въ этотъ самый часъ... Вонъ, смотри, надъ тѣмъ высокимъ барханомъ красная звѣзда поднимается... Въ этотъ самый часъ увижу я, какъ Аллахъ караетъ преступника.

— Такъ ляжешь же, собака! — заревѣлъ проѣзжій и однимъ взмахомъ кинжала расколлъ на-двое вѣковой черепъ святого старца...

Безъ стона, безъ вздоха протянулось на песокъ мертвое тѣло, но глухой, жалобный гулъ понесся между барханами... Чудилось, будто пески, мертвые сыпучіе пески, застонали, принявъ въ свои жаркія нѣдра кровь праведника.

Долго, въ тяжеломъ раздумьи, стоялъ убійца надъ трупомъ... Кони

воронье заржали, и этот веселый звук пробудил, хозяина.

Усмѣхнулся красавецъ, — только невесела была эта усмѣшка, —

Поскакалъ въ барханы, дальше отъ опозореннаго колодца.

взвалилъ тѣло на спину коня, самъ сѣлъ на другого и поскакалъ въ барханы, дальше отъ опозореннаго, святаго колодца, дальше отъ пути караваннаго, туда, куда некому и не зачѣмъ заглядывать.

Тамъ онъ глубоко зарылъ тѣло въ горячій песокъ, снявъ прежде съ него истлѣлое отъ времени рубище, снявъ съ себя свой дорогой, ярко-цвѣтной бешметъ и стальную кольчугу, а самъ одѣлся въ платье убитаго; затѣмъ досталъ изъ переметной сумы коробку съ цвѣтными мазями и длинную, козью бороду, досталъ маленькое круглое зеркальце и принялся передѣлывать свое красивое молодое лицо — въ дряхлое, доживающее свой вѣкъ, — старое. Великій машкарабазъ (актеръ-комикъ) Алламедъ научилъ его этому искусству.

Недолго возился за такимъ дѣломъ убійца и, окончивъ свою работу, вернулся пѣшкомъ къ колодцу, оставивъ коней на крѣпкихъ приколахъ, за высокими барханами, гдѣ ихъ ни одинъ посторонній глазъ не могъ видѣть.

Придя на колодезь, опять тщательно засыпалъ пескомъ лужи почернѣвшей крови, досталъ ведро холодной, чистой, какъ кристалль, воды, отпилъ немного и сѣлъ на порогъ кибитки: ну точь-въ-точь какъ

прежній сторожъ Ходдай-Магометъ, на своемъ, вѣками насиженномъ мѣстѣ.

А на востокѣ вспыхнула и стала разгораться заря утренняя, разгоняющая ночную тьму, золотая гребни далекихъ бархановъ, сгоняющая съ поблѣднѣвшаго неба безчисленныя алмазныя звѣзды.

III.

Тѣмъ временемъ, шагъ за шагомъ, ходомъ неспѣшнымъ, тянулся по ровной степной дорогѣ большой караванъ.

Впереди попарно ѣхали двѣнадцать всадниковъ, кони подъ ними были золотисто-рыжіе, одежды на всадникахъ ярко-красныя; кривыя сабли въ дорогихъ мягкихъ ножнахъ качались безъ звука сбоку у каждаго, за плечами висѣли круглыя щиты кожаные, въ рукахъ копыя длинныя, гибкія, бѣлыми буйволовыми хвостами оперенныя.

За конными, передовыми шли сто челоуѣкъ пѣшихъ, всѣ лицами черные, какъ уголь, далекаго юга уроженцы, пришлые наемники. У этихъ были копыя короткія, съ широкими лезвіями, а за плечами гибкіе луки и колчаны, стрѣлами наполненные. Одежды на пѣшихъ были короткія, ноги босыя, мозолистыя, устали не знающія.

За пѣшими вели тридцать верблюдовъ, тяжело навьюченныхъ, покрытыхъ полосатыми попонами. За верблюдами опять шли пѣшіе лучники, стрѣлки чернокожіе, а за ними опять двѣнадцать всадниковъ-мальчиковъ, одинъ другого красивѣе, одинъ другого наряднѣе одѣтыхъ. Солнце весело играло на ихъ пестрыхъ чалмахъ, золотомъ шитыхъ, на дорогихъ уборахъ конскихъ.

Каждый всадникъ-батча держалъ въ рукахъ саазъ (родъ круглой балалайки) шестиструнный, и далеко неслась по равнинѣ ихъ чудная музыка.

За музыкантами, окруженный блестящею многочисленною свитой,

ѣхалъ на малоросломъ, бѣломъ, какъ горный снѣгъ, иноходцѣ старикъ съ длинною бородою, съ нависшими сѣдыми бровями, отбросившими густую тѣнь на его глаза глубоко-впалые, но все еще грознымъ повелительнымъ блескомъ сверкающіе.

Просто и скромно одѣтъ былъ этотъ величавый старикъ, бѣднѣйшимъ казался онъ между своими слугами; только сухіе пальцы его мѣрно перебирали крупныя, не имѣющія цѣны, единственные во всей вселенной, жемчужныя четки.

Роскошная свита ѣхала молча, боясь нарушить благоговѣйное созерцаніе повелителя; только горячіе кони, сдержанные стальными удилами, фыркали и храпѣли, робко косясь на свои длинныя синева-тыя тѣни.

За свитою вѣли сорокъ вьючныхъ муловъ, съ казною и цѣнностями, а за мулами вереницею тянулись верблюды, покрытые дорожными коврами. На каждомъ верблюдѣ колыхался высокій шатеръ съ парчевою крышею, украшенный по угламъ цвѣтными перьями; длинныя шелковыя занавѣси спускались до земли, скрывая отъ нескромныхъ взглядовъ постороннихъ людей тѣхъ, кто сидѣлъ подъ этими шатрами.

Между верблюдами шли пѣшія женщины съ закрытыми лицами, а съ боковъ ѣхали на крупныхъ сѣрыхъ ишакахъ блѣдые люди, безъ усомъ и бородъ, но уже старые, сморщенные. Въ рукахъ эти люди держали обнаженныя сабли, сверкавшія на солнцѣ, словно молніи.

Всѣхъ верблюдовъ съ шатрами было тридцать одинъ, и передній отличался отъ прочихъ особеннымъ великолѣпіемъ. Верблюдъ этотъ былъ бѣлый, а шатеръ на немъ — голубой, вышитый золотыми и серебряными звѣздами.

За этими верблюдами шли безъ конца простые, вьючныя верблюды, съ дорожными шатрами, палатками, котлами, сѣстнымъ и постельнымъ запасомъ, а съ ними много

простыхъ людей и рабовъ, подъ общимъ присмотромъ всадника, вооруженнаго длинною кожаную плетью.

Хвостъ всего каравана замыкалъ еще отрядъ всадниковъ, разославшій отъ себя назадъ, вправо и влѣво, сторожевыхъ людей, зорко наблюдавшихъ за пустынною, мертвою окрестностью.

Это шель въ Термезъ, на поклоненіе великому чтимому святому, грозный Саидъ Ширъ-Али, владѣтельный ханъ Мозашерифа.

На тридцати верблюдахъ, подъ шатрами, ѣхали его тридцать женъ, по счету дней луннаго мѣсяца, а на тридцать первомъ, подъ голубымъ шатромъ, — красавица Ліа, любимая дочь хана, отъ первой его жены, давно уже умершей.

Уже восьмой день находится въ пути ханъ Саидъ Ширъ-Али со своимъ гаремомъ, а цѣль еще далека. Еще нескоро придется имъ увидать широкія, спокойныя воды великой рѣки, и на томъ ея берегу, окутанныя знойною мглою, чудныя развалины чуднаго древняго города.

Тихо идутъ пѣшіе чернокожіе воины; тихо, сдерживая горячую прыть лошадей, ѣдутъ конные; мѣрно шагаютъ верблюды подъ ношею, мелодично позванивая своими шейными колокольчиками.

IV.

Сердечная ли тоска, скука или жаркая истома овладѣли красавицею Ліа, и она вся разметалась подъ своимъ шатромъ, чудная, полубнаженная, лѣниво играя своими дорогами ожерельями.

Одна изъ пѣшихъ женщинъ незамѣтно приблизилась къ самому верблюду и осторожно окликнула красавицу.

— Ты спишь, госпожа? — спросила она шопотомъ, такъ, чтобы не услышалъ этотъ безбородый, дремлющій на своемъ ишакѣ, тоже дремлющемъ, развѣсившемъ лѣниво свои длинныя уши.

Ліа нагнулась къ спрашивающей

и чуть-чуть отодвинула край голубой занавѣски.

— О, если-бъ я могла спать! — отвѣчала Лія. — Нѣтъ, Джанымъ, давно уже глаза мои не знаютъ сна... О, какъ длинно, какъ мучительно долго тянется это путешествіе.

— Оно кончится скоро, — произнесла Джанымъ, — оно кончится гораздо скорѣе, чѣмъ ты думаешь, моя дорогая госпожа, мое вскормленное дѣтище.

— До Термеза еще девять дней пути, — замѣтила Лія: — я слышала, какъ говорилъ Турсукъ вчера на ночлегѣ.

Джанымъ покосилась на безбородого толстяка и усмѣхнулась.

— Турсукъ, — сказала она, — не можетъ знать того, что должны знать другіе.

— Да?!... — оживилась немного красавица, прильнула лицомъ къ самой занавѣскѣ и, помолчавъ съ минуту, словно борясь сама съ собою, дрогнувшимъ голосомъ сказала:

— Ну, Джанымъ, продолжай же, продолжай свою вчерашнюю сказку.

Улыбнулась Джанымъ, покосилась еще разъ на дремлющаго Турсука и исполнила волю своей госпожи, вскормленной ея грудью, ею взлелѣянной и выхоженной.

«...Долго думаль молодой ханъ Искандеръ», начала было она, но Лія прервала ее на первомъ словѣ.

— Называй его Девлетомъ. Слышишь? Я хочу, чтобы ты его такъ называла... Тебѣ вѣдь все равно, Джанымъ, милая моя, добрая...

— Хорошо, хорошо, — согласилась рассказчица, — Девлетъ, такъ Девлетъ. Сказка вѣдь отъ этого не мѣняется... Такъ вотъ, «долго думаль молодой ханъ Иск...», то бишь Девлетъ и рѣшилъ, что жить ему безъ его красавицы...» Какъ ее назвать прикажешь, госпожа?

— Лія... — чуть слышно прошептала дочь Саида Ширъ-Али, хана Мозашерифскаго.

«...жить Девлету безъ Лія никакъ

Одна изъ пѣшихъ женщинъ приблизилась къ верблюду.

невозможно. И во снѣ и наяву онъ видѣлъ всегда передъ собою чудный образъ своей возлюбленной.

«Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, бѣжавши изъ плѣна, похоть видомъ ницаго-богомольца, проходилъ онъ Мозашерифъ, когда старуха Джанымъ мелькомъ дала ему взглянуть на ту, что прислала ему, уличному пѣвцу, хлѣба и корзину плодовъ, — онъ потерялъ покой, потерялъ всѣ утѣхи, и даже у себя дома, вновь окруженный роскошью и блескомъ, среди тысячь чудныхъ женскихъ глазъ, глядящихъ на него съ восторгомъ любви, онъ не замѣчалъ этихъ взглядовъ, сердцемъ и душою помня только одни глаза, глаза звѣзды Мозашерифа».

— Красавецъ мой, бѣдный, милый!... — шептала Лія, внимательно слушая сказку своей кормилицы.

«Тогда ханъ Девлетъ рѣшилъ

пренебречь завѣтами старинной, родовой вражды. Вопреки уговорамъ и совѣтамъ своихъ старшинъ и даже главнаго, Казы, онъ снарядилъ къ хану Мозашерифскому мирное посольство съ богатыми дарами и униженно просилъ руки его дочери, соглашаясь впередъ на всѣ условія. Но онъ не зналъ, что каменное сердце хана давно уже не знало любви и было глухо къ примиренію.

«Ханъ отвергъ дары своего врага, съ позоромъ выгналъ изъ города его посольство, окружилъ двойною стражею жилище своей дочери. Думали всѣ тогда, что Мозашерифу не избѣжать ужасовъ свирѣпой, безпощадной войны. Вожди ханскіе дѣятельно готовили войска; народъ возводилъ высокія стѣны, копалъ глубокіе рвы, прорывалъ плотины и широкою полосою затопилъ всѣ дороги къ своему городу.

«Но Девлетъ, храбрый, пылкій юноша, не пошелъ войною на своего врага: онъ шадилъ кровь отца своей возлюбленной, онъ кротко перенесъ оскорбленіе...

«Любовь побѣдила война и сковала его сильныя руки».

— Такъ онъ покорился судьбѣ? — спросила Ліа: — онъ рѣшился одинъ страдать, пусть, молю, само время излѣчитъ эти страданія?!... Малодушный!...

— Нѣтъ; дитя мое, онъ зналъ пословицу, говорящую, что и храброму могучему льву умная хитрость помогаетъ въ побѣдѣ, — и подготовилъ себѣ эту побѣду путемъ без-

кровной, глубоко обдуманной хитрости...

— Что же придумалъ онъ? Говори, не томи...

Турсукъ громко зѣвнулъ, широко раскрылъ свои безцвѣтные, заспанные глаза и поправился въ покойномъ сѣдлѣ. Джанымъ отстала на шагъ отъ верблюда, щель голубой занавѣски словно сама собою сомкнулась.

— Не оттягивай тамъ, задніе! Чего разберелись по сторонамъ? Въ кучу! — хриплымъ визгливымъ голосомъ закричалъ безбородый и черезъ минуту снова погрузился въ сонъ, заклевавъ своимъ длиннымъ, какъ у аиста, носомъ.

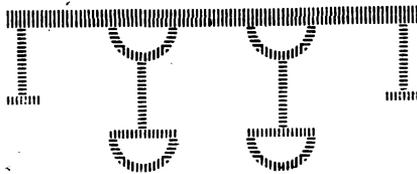
— Къ солнечному закату, сегодня... — приблизилась опять Джанымъ, — мы прибудемъ къ колодезю «мира и жизни»; святой мулла Ходдай-Магометъ поднесетъ всѣмъ по очереди чашу съ благословенною водою... Ты не пей изъ этой чаши.

— Въ чашѣ смерть? — съ ужасомъ спросила Ліа.

— Нѣтъ, но чаша для другихъ — мирный сонъ; для тебя, моя красавица, — заря твоего счастья.

А караванъ все шелъ и шелъ. Ханъ Саидъ-Ширъ-Али перебиралъ свои четки; подъ мѣрные звуки саазовъ безбородые дремали на ишакахъ; конная стража зорко наблюдала мертвую пустыню.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КАРЕНЬ МИХАЭЛИСЬ

Гунхильдъ приплясываетъ отъ радости: суббота и конская ярмарка!... Конская ярмарка, пожалуй, интереснѣе пожара, потому что продолжается цѣлый день. Какъ лошади стучать копытами! Словно все время спотыкаются о собственные ноги. Сколько ихъ! Больше тысячи. Отовсюду ѣдутъ — изо всѣхъ концовъ и по всѣмъ дорогамъ. И барышники щелкаютъ кнутами просто отъ пущей важности, что у нихъ куча денегъ и высокіе сапоги, но бить лошадей не бьютъ. И лошадямъ весело, когда ихъ выводятъ на показъ и гоняютъ взадъ и впередъ. Зато проходить по улицамъ предмѣстья опасно. Не зѣвай, если попадешь между двумя рядами коней. У нѣкоторыхъ лошадей за ушами пучки соломы, — это значитъ, что онѣ кусочія и могутъ изувѣчить на-смерть.

Даже въ классъ доносится лошадиное ржанье, фырканье, топотъ копытъ, щелканье кнутовъ и крики барышниковъ...

Тутъ Иенсина Тодэ, по своему обыкновенію, мямлитъ:

— Вода все подымается. Папа говоритъ, что лошадямъ уже вплавь приходится пробираться черезъ мосты.

У Гунхильдъ отъ восхищенія зашевелились волосы на головѣ. Суббота, конская ярмарка и наводненіе! А Иенсина только теперь сообщаетъ это? Чучело!

Вскорѣ голова Гунхильдъ клонится на бокъ, потомъ она роняетъ

ее на парту и стонетъ. Фрэкень*) Фаубель, увлекшись Кромвелемъ, не сразу замѣчаетъ это, но затѣмъ спрашиваетъ, что съ нею. Гунхильдъ смотритъ на учительницу, стараясь страдальчески закатить косые отъ природы глаза:

— Ахъ, у меня такъ болитъ голова!

— Иди и положи холодный компрессъ, это поможетъ. Или ложись въ учительской на диванъ.

Это путаетъ всѣ расчеты, но дѣлать нечего. Гунхильдъ не теряетъ даромъ времени и внушаетъ себѣ самой, что опасно больна. Она до удушья задерживаетъ дыханіе, — и черезъ часъ у нея такой жалкій видъ, что фрэкень Фаубель говоритъ:

— Ступай-ка ты лучше домой и прими порошокъ.

Гунхильдъ только того и надо было. Въ груди у нея поетъ: «Наводненіе! Наводненіе!» Но она не выдаетъ себя, пока не оказывается на улицѣ. Теперь день въ ея распоряженіи и можно дѣлать, что угодно.

На площади начали уже переставлять повыше балаганы съ пряниками. Это хорошій знакъ. Мясники бранились и чертыхались, какъ бѣсноватые. Они злились, что палатки собьются въ кучу, станеть тѣсно, и негдѣ будетъ развернуться. А Гунхильдъ веселилась, глядя на палатки и слушая брань. Она съ

*) Фрэкень — по-датски то же, что мадемуазель по-французски.

удовольствіемъ съѣла бы огромный пряникъ — съ маминъ швейный столикъ! Или хоть палочку розового сахара, похожую на ледяную сосульку. Уличный мальчишка бросаетъ ей прямо въ лицо: «Косоглазая». И она грустно бредетъ дальше, но глаза такъ глупо устроены, что все норовятъ дѣлать одинаково. Какъ только забудешься, они или закроются совсѣмъ, или оба прищурятся. Какъ-то Гунхильдъ сшила себѣ черный наглазникъ, какіе носятъ, если нѣтъ глаза и нѣтъ денегъ на стеклянный, но папа запретилъ ей носить. Но пока она ходила съ наглазникомъ, никто не дразнилъ ее косоглазой, — никто не могъ знать, что у нея подъ нимъ.

И вотъ Гунхильдъ идетъ, опустивъ глаза. Она думаетъ о томъ, что будетъ, когда вода подыметъ еще выше и заставитъ все населеніе спастись со всѣхъ ногъ на Сѣверную заставу или въ Хобро,*) чтобы не утонуть. Останется торчать только спицъ колокольні, чтобы люди черезъ сто лѣтъ могли знать, гдѣ стоялъ городъ.

Медленно бредетъ она по площади. Вода доходитъ уже до конца Каролининской улицы. Мужчины натянули сапоги съ длиннѣйшими голенищами, но лодокъ на улицахъ еще не видно. Пришелъ ли папа къ обѣду? Телеграфная станція обращена фасадомъ къ гавани, и входъ съ улицы, но при наводненіи выходятъ чернымъ ходомъ и прямо садятся въ лодки, какъ въ Венеціи. Пароходъ, конечно, не пойдетъ сегодня. Слава Богу! Бѣдныя коровы и телята получаютъ отсрочку хоть до понедѣльника.

Но что случилось? Кто это кричить? Гунхильдъ протискивается сквозь толпу и пробирается между палатками къ рыбному ряду. Такъ она и думала. Двѣ торговки опять подрались. Ей-то все равно, пусть дерутся, сколько влѣзетъ, только пусть не бросаются рыбой. А тор-

говки какъ разъ схватились за рыбу: одна швыряетъ въ противницу живыми камбалами, другая живыми угрями. Люди смотрятъ и заливаются смѣхомъ. Иные шныряютъ, подбираютъ рыбу и удираютъ съ нею. Громкое плюханье рыбы о мостовую болѣзненно отдается въ сердцѣ Гунхильдъ, но она не въ силахъ кричать. Обыкновенно она позже всѣхъ спохватывалась, что именно можно было сдѣлать, но на сей разъ поражаетъ себя самое догадливостью. Она вдругъ кричитъ торговкамъ:

— Шли бы домой скорѣе, чѣмъ тутъ драться! У васъ уже кухню затопило!

Слова сами соскочили съ языка. Гунхильдъ и понятія не имѣла, что происходитъ въ домѣ торговыхъ рыбой на углу площади и Каролининской улицы. Быть можетъ, вода еще и не дошла до дома, но это все равно. Обѣ драчуньи мигомъ перестали швыряться камбалами и угрями и, даже не стряхнувъ съ волосъ и платья песку, илу и рыбьей чешуи, бѣгомъ устремляются домой.

И оказалось — правда! Вода величественно вливалась въ дверь по каменному полу передней и въ большую общую кухню. Гунхильдъ не подумала поберечь хорошіе башмаки и, шлепая по водѣ вмѣстѣ со всѣми по кухнѣ, помогаетъ убирать посуду на полки и ставить дѣтскія люльки на кухонный столъ.

Рыбаки, всю ночь проведеніе на ловлѣ, спали въ коморкахъ, которыя полагались каждой семьѣ отдѣльно, и прозѣвали наводненіе...

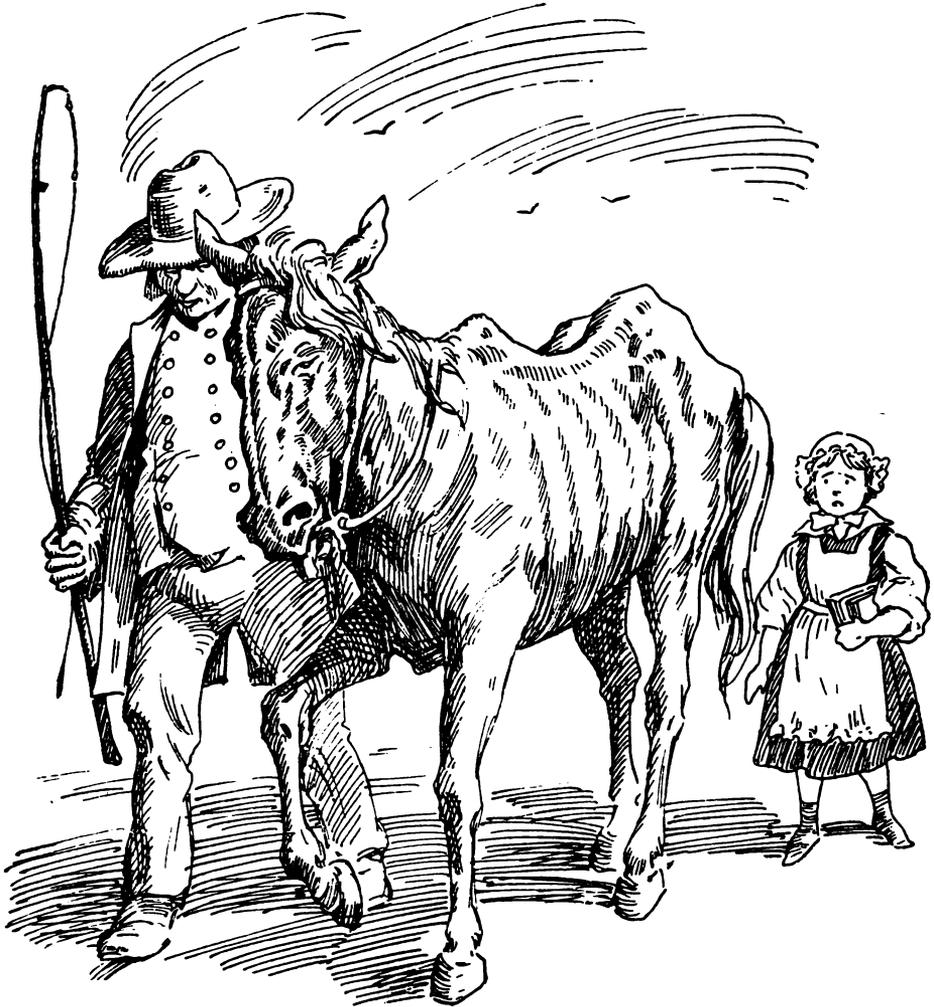
А вода все прибывала! Карусельную клячу повели черезъ площадь въ конюшню. Гунхильдъ идетъ сзади. Какая она старая, измученная. Гунхильдъ рѣшаетъ добыть четвертакъ, чтобы купить клячѣ хлѣба. По ребрамъ лошади видно, что она никогда не ѣстъ досыта. И вся она въ пыли, смоченной потомъ, на которой ясно видны слѣды кнута.

Вся радость Гунхильдъ меркнетъ. Кляча высоко и съ трудомъ поды-

*) Знаменитая датская писательница описываетъ приключеніе маленькой школьницы, живущей подъ Копенгагеномъ.

маеть больныя распухшія ноги, какъ будто все время идетъ по лѣстницѣ. На мостовой валяются, извиваясь въ пыли, два угря — ни въ чемъ неповинные. Гунхильдъ вообще никогда не смѣла дотронуться

на глазахъ запаковываютъ товаръ. Кому покупать пряники и сахарныя фигурки, когда вода заливаеъ городъ? Собираеъ закрывать балаганъ и дрессировщикъ блохъ. Подруги Гунхильдъ по два, по три ра-

Гунхильдъ рѣшаеъ добыть четвертакъ, чтобы купить лошади хлѣба.

до угря. При одной мысли ея знобило, но тутъ она наклоняеъ, хватаеъ одного, другого. Отъ страха она крѣпко зажимаеъ ихъ въ рукѣ, кидаеъ бѣгомъ черезъ площадь и шлепаеъ по водѣ, пока вода не доходитъ ей по колѣно. Тогда она бросаеъ угрей въ воду какъ можно дальше и переводитъ духъ.

Торговки пряниками со слезами

за были и смотреѣли, какъ блохи таскаютъ по ватной площади золотую каретку.

Часы на ратушѣ пробили два. Школа кончилаъ, и Гунхильдъ пора было пробираться домой, чтобы не встрѣтиться съ подругами. Конечно, лучше было бы сперва дать чулкамъ и обуви просохнуть.

Гунхильдъ идеъ потупая, слу-

шая, какъ всё городскіе колокола повторяютъ то, что ей уже хорошо извѣстно, — что уже два часа пополудни. Мысли ея поглощены клячей и двумя угрями. Найдутъ ли они дорогу въ заливъ и море, или ихъ поймаютъ тутъ же въ городѣ люди въ высоченныхъ сапогахъ?

Дѣвочка внезапно машинально нагибается, какъ нагибается дома, увидавъ на полу мамину иголку. Когда она выпрямляется, въ рукахъ у нея кошелекъ. За нимъ вѣдь она и нагнулась. Она взвѣшиваетъ его на рукахъ. Онъ тяжелый, большой, съ грубымъ мѣднымъ замкомъ. Такія находки сдаются въ участокъ. Нельзя ли только сперва пойти пообѣдать? Суббота — значить будетъ пивной супъ и потомъ блинчики. Недурно. Пальцы сами надавливаютъ на замокъ. Большое отдѣленіе набито серебромъ и мѣдью. Она раскрываетъ маленькое отдѣленіе въ серединѣ: тамъ грязныя кредитки. Вотъ богачка эта торговка! Гунхильдъ вспоминаетъ карусельную клячу, запыленную, потную, съ распухшими ногами, которыя она медленно и высоко подымаетъ, точно идетъ по лѣстницѣ.

Гунхильдъ киваетъ головой, закрываетъ кошелекъ и мчится въ лавку: — Мама кланяется и проситъ десять фунтовъ овса и фунтъ пиленаго сахару. — Дѣвочка спокойно отсчитываетъ деньги. Потомъ бѣжитъ къ булочнику: — Мама кланяется и проситъ восемь фунтовъ черстватаго хлѣба. Только, пожалуйста, нарѣжьте его потолще... И... потомъ... одолжите мнѣ корзинку, я вамъ сейчасъ принесу обратно.

На прилавкѣ куча свѣжихъ сладкихъ булокъ и пирожныхъ. Гунхильдъ могла бы сѣсть хоть десятокъ. Слюнки у нея такъ и текутъ. Она уже раскрыла было ротъ, но сразу опять закрыла. Съ глубокимъ вздохомъ отсчитываетъ она деньги и уже собирается поднять тяжелую корзинку, какъ вдругъ булочница кладетъ сверху сладкую рогульку. Гунхильдъ рассыпается въ благодарностяхъ. Самъ Господь

Богъ надоумилъ булочницу. Прибавка вѣдь полагается, если покупаешь самое меньшее на цѣлую крону.

За дверями она зачихала рогульку въ ротъ, такъ что чуть не подавилась. Да и трудно жевать на бѣгу, она же бѣжитъ изо всѣхъ силъ къ конюшнѣ. Толстыя крестьянскія лошади топчутъ въ стойлахъ и поворачиваютъ къ ней головы. Гунхильдъ пробирается между стойлами и заглядываетъ въ ясли. Объ этихъ-то лошадяхъ заботятся. А вотъ въ углу, понуривъ голову, словно дремлетъ гнѣдая въ яблокахъ карусельная кляча. Худые избитые бока густо облѣплены мухами, а она даже не шелохнетса, чтобы согнать ихъ. Гунхильдъ, прорвавъ дырку въ бумажномъ картузѣ, сыплетъ овесъ въ ясли, кладетъ на него ломти хлѣба, а сверху куски сахара и глубоко переводитъ духъ.

Кляча нюхаетъ кормъ, медленно поводитъ головой, снова нюхаетъ и какъ будто вздыхаетъ. Потомъ зарывается мордой въ ясли и жуетъ, жуетъ. Бока у нея такъ и ходятъ ходуномъ. Въ брюхѣ слышенъ шумъ. Она ничего не видитъ, не слышитъ, все жуетъ и жуетъ, переминаясь съ ноги на ногу.

Гунхильдъ страшно оставаться тутъ, но не смѣетъ она и убѣжать. Другія лошади топчутся и рвутся съ коновязей. Сердятся на Гунхильдъ. Да и нехорошо съ ея стороны ничего имъ не дать. Она захватываетъ пригоршню сахару и обходитъ всѣхъ лошадей, протягивая имъ сахаръ на ладони. Теперь ея совѣсть спокойна.

Но надо спѣшить въ полицію съ кошелькомъ. Гунхильдъ спѣшитъ въ фабричный переулочекъ, но когда она завертывается за уголъ, сердце у нея сжимается отъ страха. А что если ее станутъ допрашивать? Вдругъ заставятъ побожиться, что она не брала денегъ изъ кошелька? А вѣдь если дать ложную присягу, пальцы отсохнутъ, и нельзя будетъ играть на роялѣ. Вдобавокъ Гун-

хильдъ совсѣмъ забыла, сколько стоили десять фунтовъ овса.

На Ратушной площади масса народу и чудесно пахнетъ дегтемъ отъ свѣже вымазанныхъ деревянныхъ башмаковъ. А вотъ сидятъ два крестьянина съ мѣшками. Гунхильдъ ихъ видѣть не можетъ, потому что въ нихъ живые поросята, которые возятся и визжатъ, стараясь вылѣзть. Гунхильдъ какъ сумасшедшая вбѣгаетъ въ переднюю участка. Полъ громко скрипитъ у нея подъ ногами. Ни души — только солнце и мухи. Направо дверь въ приемную. Если она постучится и войдетъ, тамъ... Нѣтъ, нѣтъ!...

Она кладетъ кошелекъ на порогъ. Нельзя пройти и не замѣтить его. Съ громаднымъ облегченіемъ затворяетъ она дверь и мчится къ булочнику: — Мама кланяется и благодарить за корзинку, — говоритъ она, ставя корзинку на прилавокъ. Потомъ бѣжитъ стремглавъ домой ѣсть пивной супъ и блинчики.

Разумѣется, она опоздала, но никто ея не разобралъ. Папа оживленно рассказываетъ, что пущены въ дѣло лодки, а вода все прибываетъ. И вдругъ мама обращаетъ вниманіе на Гунхильдъ: — Что это? На что ты похожа! Вся въ рыбьей чешуѣ. Гдѣ ты была?

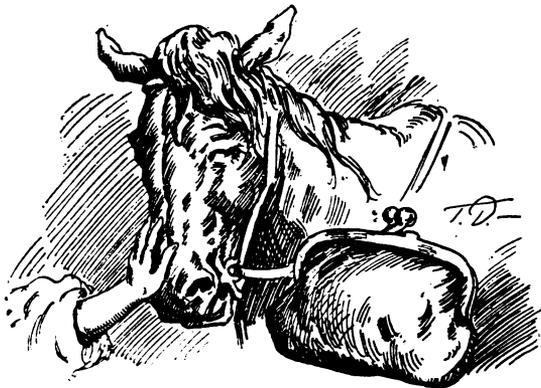
Гунхильдъ чувствуетъ, что краснѣетъ: — Тамъ... знаешь... двѣ торгови рыбы подрались...

Папа смѣется: — А ты, конечно, спасала рыбу?

Солнце садится такъ красиво. Оно всегда садится красивѣе всего по субботамъ. На крышѣ воркуютъ голуби.

Ночью Гунхильдъ снится, что карусельная кляча взобралась по лѣстницѣ, отворила дверь и подошла къ ея постели. Опустила морду и обнюхала дѣвочку, а она протянула руки и пощупала ее: брюхо у клячи стало круглое, какъ барабанъ.

Перев. Нолли.

ВЪ СЛАВОНСКОМЪ ЛЪСУ.

Ты сюда въ траву взгляни-ка,
Гдѣ скользая разбился лучъ, —
Тамъ краснѣетъ земляника,
Какъ расплавленный сургучъ.

Пахнетъ смолами и мятой,
По сукамъ скользятъ дрозды,
На травѣ, слегка примятой, —
Зайки сѣраго слѣды.

Счетъ годамъ ведетъ кукушка —
Ей не милъ просторъ полей;
Спать улиточка-ползушка,
Тащить зерна муравей.

Солнце золото бросаетъ...
И когда я оглянусь,
Преодо мною воскресаетъ
Какъ живая моя Русь.

Виталій Вячеславскій.

Л. Кормчій

СѢРЫЙ ДОМИКЪ

РОМАНЪ

Иллюстраціи худ. Г. Дайбера

Издательство „САЛАМАНДРА“ Рига, 1926 годъ

Печатано въ типографіи
А/О Печ. Дѣла „САЛАМАНДРА“
Рига, Б. Кузнечная 43.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новое лицо въ сѣромъ домикѣ.

I.

Я не люблю мальчишекъ! Я ихъ терпѣть не могу. Отъ нихъ только грязь, не говоря уже о шалостяхъ и озорствѣ. Да. Пожалуйста, не возражай, Марта, — меня все равно не переубѣдишь. Я ужъ знаю мальчишекъ: они шумны и нечистоплотны.

Клара Эльсто потрясла головой съ такимъ видомъ, точно одна мысль о мальчишкахъ коробила ее насквозь; желтыя ленты ея чепца встрепенулись и насторожились, какъ уши ирландскаго сетера. Сестра ея — кроткаго вида пожилая особа, сидѣвшая по другую сторону стола за кофейнымъ приборомъ, — безпокойно задвигалась.

— Я и не возражаю, милая Клара, — мягко сказала она: — я хочу только замѣтить, что мальчишки бываютъ разные.

-- Вздоръ! — сурово оборвала Клара, кидая на сестру убійственный взглядъ. — Вздоръ! Я говорю обо всѣхъ мальчишкахъ. Несомнѣнно, и нашъ дворяродный племянничекъ ничѣмъ не лучше ихъ. Въ природѣ мальчиковъ — вести себя отвратительно, Марта, и исключеніе было бы противуестественно.

Но Марта, несмотря на врожденную кротость, не пожелала сдаться. Перебирая пальцами бахрому скатерти, она сказала съ волненіемъ въ голосѣ:

— Но и нашъ отецъ былъ когда-то мальчикомъ, Клара...

— Марта!

Молнія, вылетѣвшая изъ глазъ Клары, могла бы испепелить маленькую кроткую старушку, не загородись она заблаговременно кофейникомъ.

— Марта! — выпрямляясь, точно корсетъ ея сталъ вдругъ стальнымъ, повторила она: — сравненіе твое совершенно недопустимо. Я скажу даже, что оно кощунственно. Не забывай, пожалуйста, что нашъ отецъ былъ исключительнымъ человекомъ.

Бѣдная Марта и сама почувствовала, что зашла слишкомъ далеко.

— Я ничего и не говорю, милая Клара... — робко промолвила она, — я ничего не говорю. Однако мнѣ кажется, разъ судьба...

Клара съ суровымъ величіемъ кивнула головой.

— Ну, конечно, разъ судьба распорядилась, — не безъ желчи сказала она, — то мы должны терпѣть всякія вторженія въ нашу жизнь... Ну, понятно, вышвырнуть его за дверь мы не можемъ, и въ этомъ наше горе... Кстати, интересно бы знать, когда придеть судно съ этимъ драгоценнымъ грузомъ?

Марта покачала головой.

— Не знаю, Клара, не знаю... Только не слишкомъ ли ты жестока къ бѣдному сироткѣ? Мнѣ кажется, у тебя сердце доброе, чѣмъ ты хочешь показать...

Но намекъ этотъ остался безъ отвѣта. Сухое лицо Клары отразило нѣчто, похожее на оскорбленное самолюбіе. Она поднялась съ кресла и вышла изъ комнаты, оправляя по дорогѣ сѣдѣющіе волосы, выбившіеся изъ-подъ дѣвственнаго чепца.

II.

Оставшись одна, Марта покачала головой и, вздохнувъ, начала прибирать посуду и остатки завтрака. Маленькія пухлыя руки, цвѣта пожелтѣвшей слоновой кости, быстро справлялись съ дѣломъ, хотя почтенная особа дѣйствовала совершенно машинально: мысли ея были далеко отъ окружающаго. Цѣнный старинный фарфоръ подвергался серьезной опасности: переставляя чашки въ пузатый буфетъ, украшенный львиными головами на створкахъ дверецъ, старушка въ разсѣянности нѣсколько разъ стукнула ихъ, совершенно не замѣчая этого.

Покончивъ съ посудой, она такъ же механически оправила нѣсколько салфеточекъ, накинутыхъ на разные столики и этажерки, и позвонила въ бронзовый звонокъ. Румяная толстощекая женщина съ красными мясистыми руками явилась на звонокъ.

— Убери тутъ, Эльза, — сказала старушка.

А сама извлекла откуда-то изъ глубины многочисленныхъ оборокъ широкаго платья футляръ съ очками и смятое письмо. И то, и другое было перенесено къ окну, гдѣ старушка усѣлась въ глубокое покойное кресло и, оснастивъ носъ большими круглыми золотыми очками, углубилась въ чтеніе. Письмо было знакомо уже до послѣдней точки, но это не помѣшало Мартѣ прочесть его съ удвоеннымъ вниманіемъ, точно она ожидала найти въ письмѣ какой-то новый смыслъ, ускользнувшій прежде отъ нея.

Окно выходило въ небольшой цвѣтничокъ, гдѣ въ клумбахъ и на грядкахъ цвѣли тюльпаны, азалии, левкой и скромная резеда. Кусты жасмина просовывали въ раскрытое окно душистыя бѣлыя

кисти. За цвѣтникомъ виднѣлась чистенькая улица и небольшой бѣлый домикъ напротивъ, спрятавшійся въ зелени дикаго винограда. Мирную тишину скромнаго уголка подчеркивали куры, семейному бродившія посреди улицы и выклевывавшія что-то въ кустикахъ чахлой травы.

— Да... да... — прошептала Марта, откладывая письмо на подоконникъ и поглаживая его рукой, — съ этимъ у насъ будетъ много хлопотъ... Клара, несомнѣнно, останется при своемъ мнѣніи... Это, положимъ, въ-полгоря... А что, если ей вздумается муштровать бѣднягу? Ему тогда плохо придется... Придумать бы что-нибудь.

Она сморщила лобъ и потеряла переносье, приподнявъ очки. Въ задумчивости старушка не замѣтила даже, какъ въ цвѣтникъ вошла сосѣдка.

— Добраго утра, мадамъ Эльсто. Что это видѣть у васъ такой озабоченный? Здоровы ли вы? Какъ поживаетъ мадамъ Клара?

У сосѣдки были зоркіе, подвижные глаза. Въ то время, какъ уста говорили, глаза успѣли насквозь прощупать старушку, проникли, насколько было возможно, въ комнату и остановились на письмѣ, прикрытомъ рукой Марты. Тутъ на лицѣ сосѣдки появилось выраженіе нѣкотораго успокоенія.

— Ахъ, это вы, мадамъ Валто? — очнулась Марта. — Доброе утро. Спасибо, грѣхъ жаловаться на здоровье... И Клара здорова, слава Богу... Все бы хорошо, словомъ...

Тутъ Марта взглянула на письмо и запнулась. Кроткое лицо ея стало снова озабоченнымъ.

— Да... да... все бы хорошо, мадамъ Валто, — только вотъ у насъ несчастье...

Глаза мадамъ Балто метнули искры и погасли. Она вся превратилась въ слухъ.

— Да ... да ... — прошептала Марта: — съ этимъ у насъ будетъ много хлопотъ.

Марта продолжала, попрежнему поглаживая письмо:

— Мы получили письмо, въ которомъ сообщаютъ о смерти нашего двоюроднаго брата. Онъ былъ морякъ, мадамъ Валто, и мы его никогда не видали. Послѣ него остался сынъ — десяти лѣтъ... Викъ... Викентій. У Вика нѣтъ никого родныхъ, кромѣ насъ, и его отправляютъ сюда съ первымъ же судномъ. Признаться, это немного обезкуражило меня, да и Клару разстроило.

О, еще бы! — сочувственно отозвалась сосѣдка. — Смерть родственниковъ всегда непріятна...

Марта съ замѣшательствомъ посмотрѣла на сосѣдку, и легкая краска пробилась на ея морщинистыхъ щекахъ.

— Ахъ... не то... хотя, конечно...

Острый инквизиторскій взглядъ мадамъ Валто добилъ ее: бѣдная старушка замялась и не знала, что сказать.

— Что же тогда, милая мадамъ Марта? — спросила сосѣдка. — Неужели васъ можетъ разстроить появленіе въ сѣромъ домикѣ маленькаго сироты... Кстати, послѣ кузена вашего такъ-таки ничего и не осталось?

— Нѣтъ, мальчикъ достаточно богатъ. Отецъ оставилъ ему двадцать пять тысячъ золотомъ.

— Ого! Для мальчика этого слишкомъ достаточно. У насъ на островѣ почти и нѣтъ такихъ богатей... Я тогда не понимаю, мадамъ...

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, мадамъ Валто, — перегибаясь въ креслѣ и понижая голосъ, точно боясь быть подслушанной, заговорила Марта: — мѣста въ нашемъ домикѣ хватитъ, припасовъ разныхъ тоже, и деньги сиротки останутся цѣлы... Также, слава Богу, школа у насъ на островѣ хоть куда, благодаря заботамъ господина Аннуса...

Нѣтъ, тутъ не можетъ быть затрудненій... По секрету сказать, мадамъ Валто, я даже рада видѣть въ домѣ ребенка — дѣти скрашиваютъ жизнь... Но сестрица Клара... Вы знаете, какъ своеобразна она.

Голова мадамъ Валто сочувственно закивала въ отвѣтъ.

— О, да... да... Я не думаю, чтобы мадамъ Клара любила дѣтей. Нѣтъ, я положительно не замѣчала этого... Вы другое дѣло, голубушка... А мадамъ Клара...

— Вотъ... вотъ, — подтвердила Марта еще тише, почти шопотомъ. — Клара какъ разъ терпѣть не можетъ мальчиковъ... Не потому, что у нея недоброе сердце, а просто мальчики — ея больное мѣсто. Противъ дѣвочки, я увѣрена, она бы ничего не имѣла... Да... Я чувствую, мадамъ Валто, что появленіе Вика внесетъ раздоръ въ нашу жизнь... Это-то и беспокоитъ меня...

Старушка грустно покачала головой.

— Ну, полно, какъ-нибудь уладится все, и мадамъ Клара смягчится, — замѣтила сосѣдка, поглядывая вдоль дороги, гдѣ въ столбѣ пыли бѣжалъ босоногій кудрявый мальчуганъ лѣтъ 10—12. — Правда, мальчики шумны и шаловливы, но въ нихъ есть много прелести... Увѣряю васъ, мадамъ Эльсто... Вонъ мой Мика, напримѣръ, смотрите, какъ несетя по дорогѣ — того и гляди, расшибется споткнувшись... Что за огонь — мальчишка! А по правдѣ сказать, несмотря на все его озорство и недостатки, я рѣдко встрѣчала такое доброе сердце, какъ у него... Однако мнѣ пора идти, мадамъ Эльсто... Будьте здоровы.

И мадамъ Валто вышла изъ палисадника, гордая своими материнскими чувствами. Теплое чувство, прилившее къ ея сердцу, не помѣшало ей,

однако, дернуть за вихоръ сына, когда тотъ съ разбѣга наскочилъ на нее, и проводить его шлепкомъ по затылку съ надлежащимъ, разумѣется, наставленіемъ... Но это, очевидно, входило въ кругъ повседневной программы жизни, такъ какъ нисколько не смутило шалуна и ни на каплю не уменьшило материнской гордости и любви, волновавшихъ въ эту минуту душу почтенной дамы.

— Бѣдный мальчикъ, — говорила она про себя, — не сладко тебѣ будетъ жить у этихъ сквалыгъ... Подумать только: богатѣйшіе люди на островѣ, и душа у нихъ дрожить оттого, что къ нимъ ѣдетъ сирота... Нужно зайти къ мадамъ Югансонъ и сообщить ей новость... Кто бы могъ ожидать такой скаредности? Да, ужъ тутъ заплачуть денежки мальчугана, да и изъ него самого повыжмутъ соки... Бѣдняга...

И покачивая укоризненно головой, добрая сосѣдка свернула въ переулочекъ къ дому мадамъ Югансонъ: ея негодование нуждалось въ дружескомъ сочувствіи.

III.

Каменный домикъ сестеръ Эльсто, выкрашенный въ голубовато-сѣрую краску, стоялъ почти въ центрѣ лоцманскаго поселка на островѣ Эрбосѣ. Самъ поселокъ имѣлъ видъ чистенькаго городка. Три улицы, аккуратно подметенныя, застроенныя маленькими кирпичными домиками съ фруктовыми деревьями и цвѣтниками, выглядѣли какъ-то по праздничному нарядно. Самые домики, съ крутыми черепичными крышами, скорѣе походили на красивыя игрушки въ голландскомъ духѣ, чѣмъ на жилище людей.

Бсѣ три улицы городка вели на площадь, мощеную крупнымъ булыжникомъ. На ней сосредоточивалась жизнь городка, и два раза въ недѣлю, въ базарные дни, площадь являла собою картину замѣчательнаго оживленія и беспорядка. Въ остальные дни на площади собирались ребятишки, заводившіе здѣсь шумныя игры и потасовки.

Эресбургъ, какъ гордо называли свой поселокъ обитатели острова Эрбоса, обладалъ церковью, сложенной изъ краснаго кирпича и возносившей высоко надъ поселкомъ шпиль готической колокольни. Рядомъ съ церковью стояла школа, а напротивъ, по другую сторону площади, — ратуша съ башенкой и часами, игравшими меланхолическую мелодію каждый часъ. А въ центрѣ площади помѣщался каменный водоемъ, изъ котораго била вверхъ струя артезианскаго колодца. Этимъ колодцемъ жители Эресбурга гордились, пожалуй, больше, чѣмъ ратушей, церковью и прочими принадлежностями житейскаго обихода городовъ Прибалтійскаго края. Пробуравленъ онъ былъ такъ давно, что никто въ городкѣ съ точностью не помнилъ его глубины, но это не мѣшало каждому жителю въ отдѣльности категорически называть любую цифру, казавшуюся ему наиболѣе вѣроятной. Дряхлый старикъ, Пауль Ганзенъ, на примѣръ, утверждалъ, что въ колодецѣ 1000 сажень глубины. Но ему плохо вѣрили, зная его любовь къ преувеличеніямъ.

Само собой разумѣется, что лоцманы — коренное населеніе Эресбурга — составляли его аристократію и правящій классъ. Впрочемъ, кромѣ лоцмановъ и ихъ семей въ городкѣ было всего лишь два-три десятка пришлаго элемента: торговцевъ, ремесленниковъ и прислуги. Даже пасторъ, госпо-

динъ Магнусъ, и почтенный учитель Аннусъ происходили изъ лоцманскихъ семействъ.

Отецъ сестеръ Эльсто былъ лоцманомъ и притомъ изъ одной изъ самыхъ древнихъ семей на островѣ. Послѣдніе годы жизни онъ былъ старшимъ лоцманомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ратманомъ городка. Послѣдняя должность, впрочемъ, хотя и была выборной, но почему-то, въ силу обычая, всегда тѣсно связывалась съ лоцманскимъ старшинствомъ, и старикъ Эльсто, достигнувъ высшаго положенія на службѣ, достигъ и высшаго гражданскаго поста.

Умеръ старый Эльсто въ весьма почтенномъ возрастѣ, оставивъ дочерямъ фамилный домикъ и круглый капиталецъ, который выдвигалъ ихъ на первое мѣсто среди обитателей Эресбурга. Говаривали, что состояніе старыхъ дѣвъ превышаетъ сотню тысячъ золотомъ и что съ нимъ равняться можетъ лишь капиталъ новаго ратмана и старшаго лоцмана — Йерса Хенсена.

Послѣ смерти отца, сестры зажили довольно замкнутой жизнью. Клара была суровой, энергичной женщиной, совершенно необщительнаго характера. Она подчинила себѣ кроткую добродушную Марту и верховодила въ домѣ, хотя и предоставляла сестрѣ вести хозяйство. Сухая, высокая, всегда прямая, она напоминала мумію, застывшую въ одномъ положеніи. Лицо ея не разставалось съ суровымъ строгимъ выраженіемъ даже во снѣ, а безкровныя тонкія губы почти никогда не улыбались.

Марта ничѣмъ не походила на сестру. Это была живая, суетливая женщина, очень кроткая и добрая по натурѣ. Она всегда была готова перекинуться парю словъ съ кѣмъ угодно и для каждаго у нея находились ласковая улыбка и добрый

взглядъ кроткихъ голубыхъ глазъ, сохранившихъ всю ясность и невинность юности. Искренняя любовь мѣшала ей тяготиться недостатками Клары, а кротость и покладистость нрава сглаживали углы и шероховатости отношеній.

Сестры давно примирились съ мыслию о своемъ полномъ одиночествѣ. Если Марта подчасъ и вздыхала втихомолку о томъ, что послѣ ихъ смерти сѣрый домикъ перейдетъ въ чужія руки, то Клара, напротивъ, находила это великолѣпнымъ. По ея мнѣнію, родственники только портили жизнь и имѣтъ ихъ — значило имѣтъ враговъ, втайнѣ жаждущихъ смерти.

Правда, по свѣту скитался гдѣ-то ихъ двоюродный братъ — морякъ, но о немъ уже пять лѣтъ не было ни слуху, ни духу. Морской волкъ питалъ органическое отвращеніе къ черниламъ и бумагѣ и ограничивался поклонами, пересылаемыми черезъ посредство пріятелей, случайно попадавшихъ на островъ Эрбось. Эти обвѣтренные, коричневые суровые посланцы были не очень-то разговорчивы и никогда не могли дать сестрамъ интересовавшихъ ихъ свѣдѣній. Поэтому у нихъ сложилось лишь смутное представленіе о томъ, что у кузена есть сынъ и зовутъ его Викентій. Но въ то же время онѣ не были увѣрены въ томъ, что племянникъ ихъ не умеръ въ колыбели.

Наконецъ появилось письмо, разсѣявшее сомнѣнія сестеръ. Племянникъ не только былъ живъ, но успѣлъ осиротѣть и стать собственникомъ 25.000 золотомъ и находится на пути къ острову Эрбось.

Письмо это вызвало впечатлѣніе грома съ яснаго неба и послужило поводомъ къ размолвкѣ сестеръ за завтракомъ. За обѣдомъ сестры опять вернулись къ злополучному племяннику, и тутъ,

въ запальчивости, Клара высказала надежду, что шхуна потерпит крушеніе и пойдетъ ко дну вмѣстѣ съ «драгоценнымъ» грузомъ. Эта недобрая мысль такъ поразила Маргу, что она могла только укоризненно покачать головой въ отвѣтъ и потомъ залилась слезами. Клара не ожидала подобныхъ результатовъ. Она встала изъ-за стола нѣсколько разстроенная, и послѣ этого Марта долго слышала возбужденные шаги наверху — въ ея комнатѣ.

Что же касается Марты, то она весь вечеръ ходила какъ пришибленная, и руки ея дрожали, точно въ лихорадкѣ. Она часто останавливалась въ углу, гдѣ висѣло большое черное распятіе, и глаза ея, полные слезъ, обращались къ склоненной головѣ Мученика, а сердце посылало горячую молитву о «плавающихъ и путешествующихъ».

IV.

Что думала и чувствовала Клара — осталось неизвѣстнымъ. Салфеточки, вышиваніемъ которыхъ она коротала дни, остались въ этотъ вечеръ нетронутыми. Кресло въ общей комнатѣ внизу, гдѣ сестры проводили вечера, тоже оставалось незанятымъ. Клара не выходила изъ своей комнаты, и это тоже доставило немало безпокойствъ любящему сердцу Марты. На другое утро Клара сошла въ столовую въ своемъ обычномъ настроеніи, и на лицѣ ея не было и слѣда той борьбы чувства, которую ей пришлось пережить. О племянникѣ не было сказано ни слова за кофе, но тѣмъ не менѣе мысли обѣихъ сестеръ вращались возлѣ той шхуны, которая взяла его къ Эрбосу.

Послѣ завтрака Клара послала Эльзу за рыбакомъ Мартыномъ и долго бесѣдовала съ нимъ у

себя наверху. Когда рыбакъ ушелъ, Клара спустилась къ сестрѣ и выпалила рѣзко:

— Онъ пріѣдетъ послѣзавтра!

Марта занималась счетомъ выстираннаго бѣлья, и сообщеніе застало ее врасплохъ.

— Кто? — спросила она, поднимая на сестру недоумѣвающій взглядъ.

— Кто? Конечно, этотъ Викъ... Или ты еще ждешь второго сорванца? По мнѣ такъ съ избыткомъ хватитъ одного...

Но Марта не дослушала желчнаго заявленія. Извѣстіе взволновало ее.

— Послѣзавтра? — растерянно улынулась она. — Откуда ты знаешь, Клара?

— Это все равно откуда, — величественно махнула рукой Клара: — если погода не измѣнится, онъ будетъ здѣсь послѣзавтра.

Наступило молчаніе. Марта взяла стопку бѣлья и переложила ее на другое мѣсто. Потомъ снова взялась за нее же и перенесла на комодъ. Клара неодобрительно слѣдила за ея движеніями.

— Ты, кажется, пришла въ замѣшательство отъ радости, — сухо сказала она: — на твоёмъ мѣстѣ я бы не носилась по всей комнатѣ съ кучей полотенецъ.

Марта взглянула на свою ношу и улынулась.

— Правда, милая Клара, я немножко взволновалась, — смущенно сказала она: — вѣдь это же случается не каждый день, — добавила она оправдываясь.

Клара сердито тряхнула головой.

— Надѣюсь, что такъ. Думаю даже, что этого вообще больше не повторится, Марта. У насъ вѣдь не пріютъ для подкидышей, чтобы это случилось каждый день. Да.

Марта смутилась еще больше.

— Ахъ, Клара, какъ ты можешь говорить такия вещи. Ты вѣдь не такъ зла, какъ прикидываешься...

— Это мое дѣло! — сурово оборвала сестру Клара. — А я бы на твоёмъ мѣстѣ не пускалась въ пляску съ бѣльемъ въ рукахъ, а позаботилась бы приготовить незваному гостю комнату.

— Ахъ, и вѣрно... Я совсѣмъ поглупѣла, милая Клара...

И тутъ, точно на дѣлѣ оправдывая личное мнѣніе о себѣ, старушка, оставивъ бѣлье лежать на столахъ и стульяхъ, кинулась вонъ изъ комнаты съ живостью, нѣсколько несомвѣстной съ ея почтеннымъ возрастомъ.

Клара строго посмотрѣла ей вслѣдъ и покивала головой съ видомъ крайняго осужденія. Потомъ, простоявъ нѣкоторое время среди грудъ бѣлья въ позѣ одержавшаго побѣду полководца, стоящаго надъ прахомъ павшихъ враговъ, она сама занялась разборкой бѣлья.

V.

Шхуна пришла вечеромъ. Едва бросили якорь у мола, гдѣ стояли лопманскія суда, какъ стѣ нея отвалила маленькая лодка, и вскорѣ затѣмъ на берегъ высадились два пассажира: одинъ широкоплечій коренастый морякъ, въ плащѣ, накинутомъ на плечи, и другой — мальчикъ, стройная фигурка котораго казалась изящной, хрупкой вещицей рядомъ съ массивными контурами тѣла моряка.

— Выйдя на молъ, морякъ оглянулся по сторонамъ, какъ бы ища кого-то. Не найдя подходя-

Разсказъ Джорджа Гамильтона.

— Много было у меня хлопотъ съ этимъ медвѣдемъ, — задумчиво сказалъ Биккерсъ, тронувъ ногой громадную голову медвѣдя, шкура котораго покрывала почти четверть пола кабинета.

— Это трофей вашей охоты? — спросилъ Голиссъ, не безъ почтенія въ тонѣ.

— Да, — просто отвѣтилъ Биккерсъ, — только въ этомъ случаѣ трудно разобрать, кто за кѣмъ охотился — я-ли за гризли, или гризли за мной. Во всякомъ случаѣ, я не искалъ съ нимъ встрѣчи. Дѣло было такъ:

«Пять лѣтъ назадъ, въ исходѣ 1921 года, я съ двумя пріятелями рѣшилъ вырваться изъ Нью-Йорка, чтобы поохотиться въ Скалистыхъ горахъ. Въ томъ году вершины Скалистыхъ горъ кишѣли оленями. Мнѣ же въ окрестностяхъ Плизантона было знакомо каждое ущелье, каждое плато.

За три сезона до этого, увлекаясь охотой, я выстроилъ себѣ хорошую хижину на склонѣ горнаго хребта, приблизительно въ двѣнадцати миляхъ отъ Плизантона. Я самъ тесалъ бревна для своей хижины, самъ устроилъ въ ней каменный очагъ, самъ покрылъ ее прочной крышей. Изъ толстыхъ досокъ, мною же привезенныхъ изъ Пли-

зантона, я сдѣлалъ крѣпкую дверь съ тяжелымъ болтомъ и висячимъ замкомъ, но никогда не запиралъ ея: поэтому охотники часто пользовались моею хижиною, какъ мѣстомъ отдыха.

Восьмого ноября, едва забрезжилъ свѣтъ, мы, наскоро позавтракавъ, покинули Плизантонъ.

Мы прошли долину до послѣдняго колодца и, зная, что теперь въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не встрѣтятся ни одного горнаго ручья, по горло наполнили водой и наполнили ею фляги.

Къ хижинѣ мы добрались лишь въ 4 часа; свѣше полдня пути такъ утомили моихъ друзей, что они еле двигались.

Послѣ обѣда, которому мы оказали должное вниманіе, я предложилъ отъ нечего дѣлать отправиться поискать какой-нибудь дичи.

Товарищи мои наотрѣзъ отказались, и я, захвативъ ружье съ тридцатью патронами, отправился одинъ, надѣясь подстрѣлить нѣсколько глухарей или кролика.

Оставшіеся въ хижинѣ общали послѣ отдыха наколоть дровъ, вымыть посуду и устроить на ночь постели.

Было условлено, что три выстрѣла, сдѣланные мною подъ рядъ, будутъ означать, что я нахожусь

въ опасности и нуждаюсь въ помощи.

Оставивъ хижину, я пошелъ вдоль хребта по направленію къ одной вершинѣ, находившейся въ полтора миляхъ на юго-западъ отъ нашего лагеря. Въ скоромъ времени мнѣ удалось застрѣлить нѣсколько жирныхъ глухарей.

Этой добычи было съ избыткомъ достаточно на троихъ; поэтому я повернулъ на востокъ и, пройдя съ четверть мили, дошелъ до гребня, идущаго вдоль ущелья, вблизи котораго находилась моя хижина.

Достигнувъ гребня, я усѣлся на скалистый выступъ, съ котораго открывался видъ на обѣ стороны ущелья, въ надеждѣ подстрѣлить оленя; но, прождавъ напрасно добрыхъ пятьдесятъ минутъ, рѣшилъ вернуться въ лагерь и выбралъ кратчайшій путь — прямо черезъ ущелье.

Уже темнѣло, и становилось довольно холодно. Кругомъ нависали снѣговыя тучи. Нужно было засвѣтло добраться до хижины, иначе въ темнотѣ легко было угодить въ одну изъ глубокихъ рытвинъ, вырытыхъ стекавшей съ горъ водой.

Почва была густо покрыта сухими сосновыми иглами, и мѣсто, откуда я началъ свой спускъ, было такъ покато и скользко, что почти нельзя было удержаться на ногахъ. Поэтому я сѣлъ и началъ скользить внизъ по почти отвѣсному склону со скоростью, увеличивавшейся съ каждымъ футомъ.

Далеко впереди, какъ разъ на моемъ пути, лежало бревно, почти совсѣмъ покрытое сухой хвоей.

Я попробовалъ остановиться или, по крайней мѣрѣ, замедлить скорость спуска, но тщетно.

Я не на шутку встревожился: если не удастся задержаться у бревна, что станется со мной, когда я съ такого разгона налечу на камни, покрывающіе дно ущелья?

Снова я сдѣлалъ отчаянное усиліе удержаться, но безъ результата. Оставалась лишь надежда на бревно, лежащее на моемъ пути. Я

стиснулъ зубы, напрягъ мускулы и приготовился къ толчку.

Только теперь я вдругъ замѣтилъ по ту сторону бревна медвѣдя, преспокойно роющагося въ землѣ въ поискахъ муравьиныхъ личинокъ.

Онъ былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что не видѣлъ человѣка, летящаго, какъ камень изъ катапульты, прямо на него.

Ударившись о бревно, я перелетѣлъ черезъ него мимо медвѣдя, задрѣвъ его морду, и задержался на небольшой скалѣ, четырьмя футами ниже ошеломленного звѣря.

Но медвѣдь быстро пришелъ въ себя. Онъ поднялся на заднія лапы и приготовился къ нападенію.

Во время спуска я крѣпко держалъ ружье въ рукахъ и, почувствовавъ подъ ногами твердую почву, былъ готовъ ко всему, начиная отъ схватки съ медвѣдемъ и кончая бѣгствомъ, признаться, предпочитаю послѣднее.

Медвѣдь черной глыбой возвышался надо мною.

Для тщательнаго прицѣла не было времени, да и при наступившей темнотѣ трудно было разглядѣть мушку моего винчестера. Я приложилъ ружье къ плечу и, прежде

Я попробовалъ остановиться, но тщетно...

чѣмъ медвѣдь могъ что-либо сдѣлать, дважды выстрѣлилъ.

Медвѣдь свалился такъ близко отъ меня, что, пытаясь посторонить-

Я снова, не цѣлясь, дважды выстрѣлилъ въ него, но эти выстрѣлы задержали моего преслѣдователя какъ разъ настолько, чтобы дать

Медвѣдь черной глыбой возвышался надо мной.

ся, я потерялъ равновѣсіе и, почти касаясь звѣря, неудержимо покатился внизъ вмѣстѣ съ нимъ.

Я крѣпко зажалъ ружье въ рукахъ и почти одновременно съ медвѣдемъ достигъ дна ущелья. Поднявшись на ноги, я быстро началъ взбираться вверхъ по противоположному склону ущелья, рассчитывая уйти отъ медвѣдя.

Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, поднявшись немного, я оглянулся и увидѣлъ раненаго звѣря въ десяти футахъ отъ себя.

мнѣ возможность сдѣлать болѣе мѣткій выстрѣлъ. Этотъ выстрѣлъ достигъ цѣли: медвѣдь покатился внизъ.

Я сдѣлалъ попытку взобраться повыше, но поскользнулся и черезъ нѣсколько мгновений снова очутился на днѣ ущелья, футахъ въ двадцати отъ медвѣдя.

Разъяренный звѣрь двинулся на меня. Онъ уже не могъ ходить, но ползалъ довольно быстро, упираясь въ землю передними лапами.

Новая схватка была мнѣ далеко

не по вкусу, и я еще разъ попытался уйти по почти отвѣсному склону горы; но раненый звѣрь слѣдовалъ за мною по пятамъ.

Теперь стало такъ темно, что едва можно было различить черную фигуру медвѣдя. Подпустивъ его почти вплотную къ себѣ, я сдѣлалъ два выстрѣла въ упоръ.

Вы представить себѣ не можете, какъ онъ заревѣлъ.

Скатившись на дно ущелья, онъ началъ яростно грызть сухія вѣтки и вдругъ затихъ...

Я подождалъ нѣкоторое время, опасаясь, не встанетъ ли онъ снова — но онъ оставался неподвижнымъ.

Тутъ только я перевелъ духъ.

Въ это время вдали раздались три слабыхъ выстрѣла: друзья искали меня. Я схватилъ свой винчестеръ, но, видя, что оставалось всего три патрона, воздержался стрѣлять, несмотря на сильное желаніе подать о себѣ вѣсть товарищамъ.

Спустившись внизъ, я подошелъ къ медвѣдю и потрогалъ его сухой вѣткой; онъ не шевельнулся.

Все еще опасаясь, не разыгры-

ваетъ ли мой медвѣдь роли опоссума,*) я ткнулъ его дуломъ ружья; онъ не обнаружилъ признаковъ жизни.

Друзья, обезпеченные моею пальбой, отправились разыскивать меня и застали возлѣ убитаго гризли.

Мы притащили медвѣдя въ лагерь, выпотрошили его и подвѣсили въ пристройкѣ около хижины. Потомъ улеглись спать.

Охотѣ на оленей, насколько помнится, помѣшала снѣжная буря, разыгравшаяся ночью. Но мнѣ уже было не до оленей. Признаться, послѣ встрѣчи съ гризли, Скалистые горы потеряли для меня долю прелести, и мѣсто за конторкой въ бюро отца казалось уютнѣе и спокойнѣе.

Биккерсъ улыбнулся и поднялся съ кресла.

— Пора ужинать, господа, — сказалъ онъ: — хозяйка заждалась насъ.

Мы перешли въ столовую.

Съ англійскаго **М. Пироговъ.**

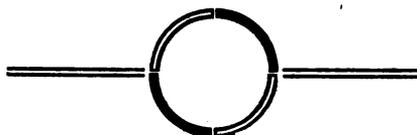
*) Опоссумъ при всякой опасности прикидывается мертвымъ.

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ.

Отраденъ сердцу первый громъ —
Весны мятежное дыханье...
Сверкнуло на небѣ сіянье,
И отъ удара вздрогнулъ домъ.

Коснулся пыли крупный дождь,
И острый запахъ, слаще меда.
Встаетъ опять отъ сна природа...
Гроза — ея весенній вождь.

Александръ Дехтеревъ.

ВАЛЕРІЙ ЛЕВИТСКІЙ.

Силуэты русских дѣтей.

Изъ записокъ учителя-эмигранта.

ПЕТРОВЪ — СУВОРОВЪ.

Недавно компанія шестиклассниковъ-донцовъ съ азартомъ наблюдала за футбольнымъ матчемъ. Въ перерывѣ шли горячіе споры о достоинствахъ игроковъ, о славныхъ побѣдахъ и позорныхъ пораженіяхъ разныхъ командъ. Однимъ словомъ, на очереди были животрепещущіе интересы дня. Но вдругъ я услышалъ заставившую меня повернуться фразу:

— Да что ты говоришь? Кто лучше былъ, давно всѣхъ перебили!

Это неожиданное возраженіе было встрѣчено сочувственными возгласами:

— Ну, кто спорить... Извѣстно... Въ корпусѣ какіе ребята были!.. А ты про нашего Суворова слышалъ?.. Нѣтъ? Ну, такъ слушай. Замѣчательный былъ мальчикъ. Еще въ первомъ классѣ на прогулкѣ мостъ черезъ ручей снарядилъ и самъ себя прозвалъ: Суворовъ 2-ой, а фамилія его была Петровъ.

Когда всѣмъ уходить пришлось, и онъ съ нами. Пожалѣли и приставили къ кашеварамъ. Разъ почти совсѣмъ насъ окружили. Сутками безъ смѣны въ окопахъ лежали, голодали, страсть. Кухня выѣдетъ, начнутъ по ней палить, а тѣ и повернуть. Разъ два дня совсѣмъ не ѣли. Вечеромъ, смотримъ, ѣдутъ

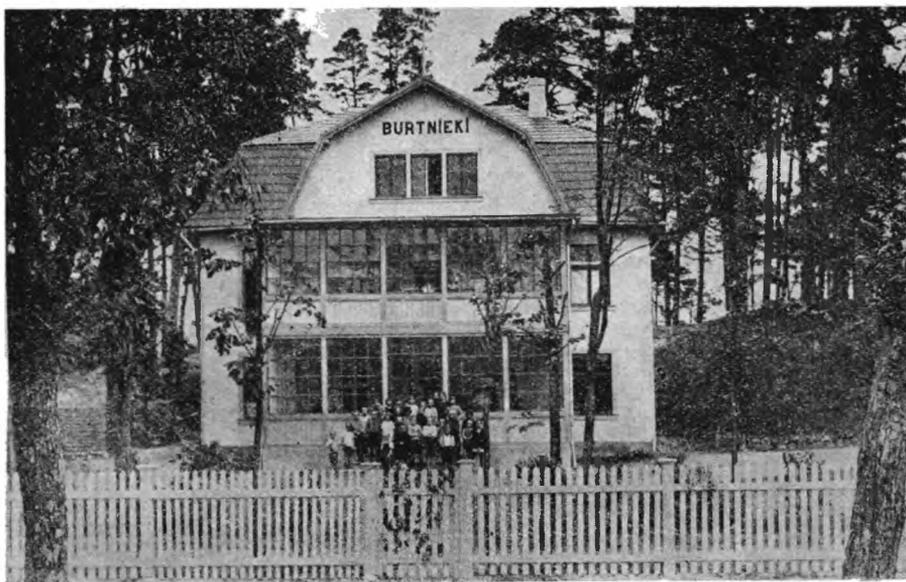
двѣ запряжки, прямо на насъ, карьеромъ. Ближе, а это—нашъ Суворовъ. Оказалось, самъ вызвался: „я, говоритъ, доведу; въ меня не попадутъ, я маленький“.

Командиръ ему лечь велѣлъ, а онъ черпакомъ еле ворочаетъ, а не уходитъ. Ужъ какъ его всѣ уговаривали до темноты пересидѣть. Нѣтъ, поѣхалъ. Только на гору подниматься сталъ, посмотримъ—лошадь упала, а онъ опять къ намъ бѣжитъ, такой веселый. „Давайте, братцы, коня, убили.“ Вскочилъ, — и ходу; а пули кругомъ такъ и распѣваютъ, всѣ березы пощипало. На другой день опять явился. На него, какъ на чудо, всѣ смотрѣть сбѣжались. Скоро отступили, а на станціи увидѣлъ его атаманъ. Разсердился, офицеру приказалъ сейчасъ же въ корпусъ доставить. Присидѣлъ онъ тамъ полгода и опять къ намъ сбѣжалъ. Рассказывали, только уже подъ Александровскомъ-Грушевскимъ его въ лобъ наповаль убили. Такой былъ хорошій! Къ неприятелю лазить, провода рѣзать, любимое у него дѣло было. Ничего не боялся. А добрый, всѣ его, какъ родного, любили; послѣднее отдать соглашался. Здѣсь такихъ нѣтъ!

Рассказчикъ хотѣлъ еще что-то сказать, но раздался свистокъ „судьи“, и кружокъ разсыпался.

ПЛЪННИКИ ГОРОДА НА ВОЛЪ.

„Burtnieki“ — дача для отдыха дѣтей тружениковъ печатнаго дѣла.

Дача „Burtnieki“ — красивый уголокъ на дюнахъ въ Ассернѣ (Рижское Взморье). Принадлежитъ она рижской больничной кассѣ тружениковъ печатнаго дѣла.

— все это раздолье предоставлено дѣтямъ, родители которыхъ не имѣютъ возможности снимать дорогостоящія дачи.

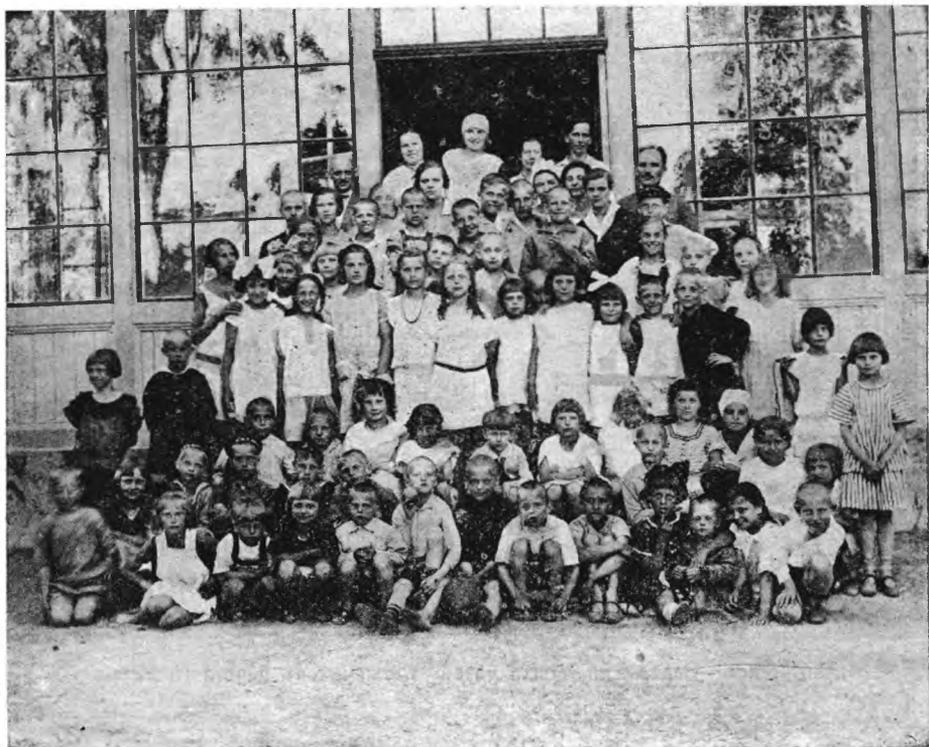
Маленькіе плѣнники города отдыхаютъ

Обитатели дачи „Burtnieki“ на пляжѣ.

Сосновый паркъ, громоздящійся по дюнамъ, море, песчаная полоса берега

здѣсь шесть недѣль. Съ утра до вечера игры, пѣсни...

Въ дачѣ „Burtnieki“ обитаетъ 65 дѣтей.

Звонъ дѣтскихъ голосовъ сливается съ гуломъ сосенъ и шумомъ волны, играющей камешками на берегу.

Въ непогоду вся шумная ватага дома. Поютъ и танцуютъ подъ звуки пианино. Рисуютъ.

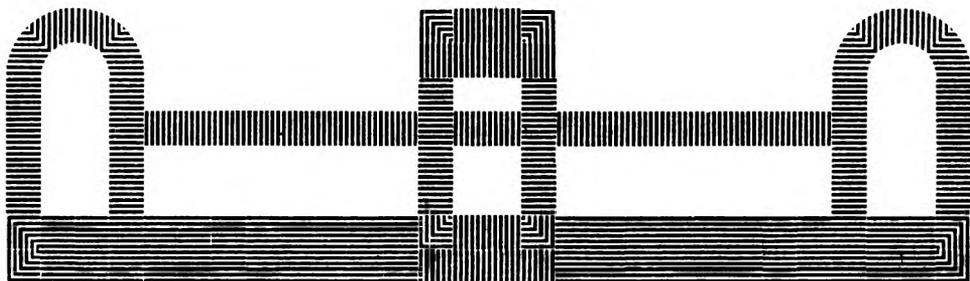
Жизнь начинается рано: въ 7 часовъ утра „Burtnieki“ гудитъ, какъ улей. Только хлопотливыя пчелки собираются не на работу, а спать, покончивъ со скучнымъ умываніемъ, позавтракать и — въ паркъ, гдѣ золото солнца плететь

причудливый узоръ на холмахъ дюнъ, и звонкой трелью перекликаются щеглы въ мохнатыхъ лапахъ старыхъ сосенъ.

Хорошо и на песчаномъ берегу, подъ жгучимъ солнцемъ.

Солнышко и море незамѣтно дѣлаютъ свое дѣло: кладутъ густоту загара на блѣдныя личиги, вздуваютъ щечки, высушенныя душнымъ городомъ.

День летитъ быстро. И не оглянешься, какъ подойдетъ вечеръ. Въ 8 час. снова несносное умываніе и — спать.

Пѣвческіе праздники въ Латвіи.

Съ древнихъ временъ, когда латыши не знали еще иноземнаго ига и иноземной культуры, сохранилось въ ихъ жизни нѣсколько прекрасныхъ традицій. Одна изъ нихъ — устройство всенародныхъ пѣвческихъ праздниковъ.

Лѣтомъ, когда заканчивались первыя срочныя земледѣльческія работы, въ священныхъ рощахъ собирался народъ съ вождями, жрецами и весталками во главѣ. При свѣтѣ костровъ и подъ звуки пѣсенъ молодежь танцевала до утра; старики же обсуждали важнѣйшіе вопросы, касающіеся жизни народа, а потомъ пировали, сливаясь съ общимъ весельемъ и ликованіемъ.

На этихъ празднествахъ родилась латышская пѣсня. Свободный народъ выражалъ въ ней свои восторги, радости и горе.

Пѣсни латыши пѣли не только въ дни празднествъ и радости. Съ пѣсней латышъ вставалъ на работу и ложился спать. Пѣсней пахарь понукивалъ свою лошадку на полѣ; пѣсней встрѣчалъ рожденіе ребенка и сопровождалъ въ могилу близкаго. Словомъ, вездѣ царил а и все вѣчала пѣсня. Благодаря этому въ теченіе столѣтій собралось громадное количество народныхъ пѣсенъ.

Чтобы и новѣйшія поколѣнія могли бы ознакомиться съ пѣсней, которая объединяла народъ и укрѣпляла его національное самосознаніе въ дни свободы и неволи, время отъ времени устраивались пѣвческіе праздники, въ которыхъ по возможности принимали участіе широкія народныя массы. Ясно, что такіе пѣвческіе праздники могли состояться только тогда, когда пала крѣпостная зависимость; первый праздникъ состоялся въ 1864 году въ Дикольнѣ, недалеко отъ Вольмара. Въ этомъ праздникѣ принимало участіе около 80 пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ начали организовываться пѣвческіе кружки и почти ежегодно то

туть, то тамъ устраиваться пѣвческіе праздники. Около 1870 г. впервые вышли два сборника положенныхъ на ноты народныхъ пѣсенъ.

Скоро возникла мысль устроить всенародный пѣвческій праздникъ.

Первый такой праздникъ былъ устроенъ въ 1870 году въ Ригѣ. На праздникѣ участвовало 116 хоровъ съ 1003 пѣвцами. Слушателей за всѣ три дня было 19.000. Второй праздникъ устроили въ честь серебряной свадьбы императора Александра II въ 1880 году. Участвовало 1624 пѣвца; публики же было около 24.000 человекъ. Третій праздникъ состоялся въ 1888 г. Пѣвчихъ было 2600, слушателей 35.000. На четвертомъ праздникѣ въ Митавѣ, въ 1895 г., пѣвчихъ уже было 5208, а публики около 45.000. Пятый праздникъ былъ устроенъ въ 1910 г. въ память 200-лѣтія присоединенія Лифляндіи къ Россіи. Шестой пѣвческій праздникъ, который отпраздновали 19, 20 и 21 іюня с. г., является первымъ праздникомъ въ независимой Латвіи. Онъ возбудилъ большой интересъ не только въ Латвіи, но и за границей. Праздникъ за три дня посѣтило около 120.000 человекъ. Пѣвчихъ было около 6000. На праздникъ прибыло около 10.000 иностранныхъ гостей, причемъ самымъ именитымъ гостемъ былъ президентъ Финляндіи Л. Реландеръ, а самыми дальними — 150 человекъ изъ Америки. Праздникъ покрылъ расходы по организациіи его въ суммѣ 230.000 латъ и далъ остатокъ около 75.000. Безъ преувеличенія можно сказать, что никогда еще Эспланада въ Ригѣ не видѣла такого большого скопленія публики и никогда еще пѣвческіе праздники не удавались такъ блестяще, какъ теперь. Остатокъ отъ пѣвческаго праздника далъ возможность основать фондъ для устройства пѣвческихъ праздниковъ и въ будущемъ.

Объединение русских скаутовъ съ «Богатыремъ».

Въ Ригѣ недавно открылось русское спортивное общество «Богатырь», которое стремится объединить всѣ русскія организации молодежи. Идя навстрѣчу этой идеѣ, 5-ый отрядъ русскихъ скаутовъ и 7-ая стая русскихъ волчатъ, рѣшили выйти изъ УМСА и присоединиться къ обществу «Богатырь», которое обѣщаетъ оказывать отрядамъ матеріальную поддержку, какъ въ городѣ, такъ и въ лагерѣ, а также предоставлять скаутамъ возможность заниматься на спортивныхъ площадкахъ общества подъ руководствомъ опытныхъ тренеровъ. Скауты за это обязались всячески помогать обществу, какъ въ клубной, такъ и во всякой другой работѣ.

Недостатокъ помѣщенія и нѣкоторыя другія побочныя соображенія удерживаютъ остальные русскіе скаутскіе отряды отъ присоединенія къ «Богаты-

рю». По устраненіи этихъ причинъ, будемъ надѣяться, что и остальные отряды поймутъ важность объединенія русской молодежи въ одно цѣлое и присоединятся къ обществу.

— Изъ Двинска намъ сообщаютъ, что тамъ проектируется открытіе новаго русскаго роверь-скаутскаго отряда. (Роверь-скаутъ — старше 18 лѣтъ). Воздерживаясь отъ критики роверизма вообще, мы должны замѣтить, что устройство отдѣльныхъ роверскихъ отрядовъ не привело къ хорошимъ результатамъ, чему яркимъ примѣромъ служить недавно распавшійся рижскій 7-ой роверскій отрядъ, который за 1½ года своего существованія не сумѣлъ развить никакой полезной работы. Какъ показывается практика, роверы должны оставаться при своихъ скаутскихъ отрядахъ, и тамъ, сведенные въ отдѣльныя звенья, они служатъ надежной опорой начальнику въ его работѣ.

Скауты на ловѣ природы.

Походъ (морской) рижскихъ роверь-скаутовъ.

РАДИО.

Что нужно знать каждому любителю радио.

За последнее время участились несчастные случаи при пользовании радио. Вытекают они из небрежностей, допущенных при установкѣ радио и незнания основныхъ правилъ установки. Мы приводимъ сводку правилъ, которыхъ долженъ придерживаться каждый любитель радио во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ.

I. Любитель радио долженъ считать каждую электрическую лампу, каждый нагревательный электрический аппаратъ, переключатель, проводящій токъ проводъ и т. д., какъ теперь выражаются, „электрически зачумленнымъ“ то - есть считать опаснымъ сосѣдствомъ для своего радиоустройства.

II. Любитель не долженъ забывать, что не только радиоаппаратъ, но и самъ онъ „зачемленъ,“ и что поэтому всякая установка сильнаго тока является для него источникомъ опасности.

III. Всегда надо помнить, что соприкосновение частей радиоприемника съ электрической лампой или же электрическимъ проводомъ можетъ повлечь за собой несчастный случай и разрушеніе аппарата.

IV. Радиолюбитель поступитъ благодарно, если будетъ относиться съ опаской къ токамъ не только сильнаго, но и слабого напряженія. Иногда звонокъ проводъ нашей квартиры, вслѣдствіе плохой изоляціи, передаетъ высокое напряженіе освѣтительнаго провода, съ которымъ гдѣ-нибудь соприкасается.

V. Должно заботиться о томъ, чтобы антенна была достаточно удалена не только отъ проводовъ сильнаго тока, но также отъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ.

VI. Оба провода, какъ антенный, ведущій къ радиоаппарату, такъ и земляной, ведущій отъ аппарата, должны быть обязательно хорошо изолированы.

VII. Необходимо убѣдиться въ томъ,

всѣ-ли части радиоаппарата, выключатели, проводъ отъ детектора и т. д., къ которымъ прикасаются рукой, хорошо изолированы.

VIII. Всегда слѣдуетъ пользоваться такими телефонными трубками, у которыхъ нѣтъ голыхъ шнуровыхъ накопечниковъ. Если же таковые имѣются, необходимо первымъ долгомъ ихъ хорошо изолировать пропарафиненной лентой.

IX. При пользованіи, черезъ предохранительный конденсаторъ, освѣтительной проводкой въ качествѣ суррогатной антенны, надо обратить серьезное вниманіе на слѣдующее:

а) освѣтительный проводъ долженъ отвѣчать нормамъ безопасности;

б) для присоединенія радиоаппарата долженъ быть использованъ только нолевой проводъ;

в) обращеніе съ предохранительнымъ конденсаторомъ (штепсельной антенной) должно быть такъ же осторожно, какъ и со всякимъ хрупкимъ предметомъ.

X. Вслѣдствіе возможности образованія хотя бы ничтожныхъ искръ въ помещеніи, гдѣ имѣется радиоаппаратъ, напримѣръ, въ лабораторіи, не должна производиться въ то же время работа съ эфиромъ и бензиномъ.

XI. Антенна должна быть снабжена предохранителемъ отъ перенапряженія и предохранительнымъ устройствомъ отъ молніи. Радиоприемникъ слѣдуетъ обязательно выключить при бурѣ и дождѣ, сопровождаемой грозой.

XII. Необходимо пользоваться только надежными солидно рекомендованными фабрикатами и, въ случаѣ какихъ-либо серьезныхъ нарушеній дѣйствія, а также вообще въ затруднительныхъ случаяхъ, обращаться за совѣтомъ къ болѣе свѣдущимъ людямъ въ радиотелефоніи.

Конкурс „Юного Филателиста“.

Въ этомъ номерѣ журнала мы помѣщаемъ первый талонъ нашего конкурса, который предлагаемъ участникамъ заполнить и вырѣзать. Такихъ талонновъ будетъ помѣщено восемь штукъ, и ихъ можно во избѣжаніе затратъ доставить или послать редакціи всѣ разомъ не позже 1 сентября с. г.

На оборотную сторону каждого талона нужно наклеить возможно большее количество марокъ, аккуратно вырѣзанныхъ съ талонновъ конкурса; талоны участники конкурса должны постараться получить отъ другихъ читателей

журнала, не принимающихъ участія въ конкурсѣ.

На талонъ № 1 могутъ быть наклеены сзади только марки съ талона № 1, на талонъ № 2 — съ талона № 2 и т. д. Если на оборотной сторонѣ не хватитъ мѣста для наклейки, можно подклеить отдѣльный листокъ. На лицевой сторонѣ каждого талона имѣется мѣсто, въ которомъ нужно проставить количество собранныхъ марокъ къ данному талону.

Въ письмахъ, относящихся къ этому конкурсу, не должно быть никакихъ сообщений для конторы журнала, экспедиціи, или рѣшеній по другимъ конкурсамъ, т. к. конверты будутъ вскрыты всѣ разомъ только послѣ 1-го сентября.

Уголокъ смѣха.

Герой.

Молодой человекъ атлетическаго сложенія выходитъ на сцену, и публика встрѣчаетъ его громомъ аплодисментовъ.

Провинциаль, сидящій въ зрительномъ залѣ, спрашиваетъ своего сосѣда:

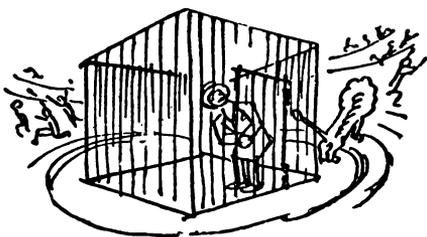
— Это какая-нибудь знаменитость?

— Да, это самый храбрый человекъ въ нашемъ городѣ.

— Чѣмъ же онъ прославился?

— Въ прошломъ году въ циркѣ вырвался изъ клѣтки левъ, и когда вся публика стала въ паникѣ разбѣгаться,

нашъ герой преспокойно вошелъ въ клѣтку и заперся въ ней.

Утки.

Горе-охотникъ возвращался съ пустыми руками домой. Проходя мимо деревенскаго пруда, онъ увидѣлъ въ немъ стадо домашнихъ утокъ и, немного подумавъ, спросилъ стоявшаго тутъ же крестьянина:

— Что будетъ мнѣ стоить, если я застрѣлю одну утку?

Крестьянинъ ничего не отвѣтилъ.

— Хотите два лата?

Крестьянинъ кивнулъ головой и получилъ деньги.

Охотникъ выстрѣлилъ и убилъ одну утку. Взвѣсивъ ее на рукѣ, онъ самодовольно сказалъ:

— Пожалуй, я не прогадалъ на этомъ дѣлѣ...

— Я-то во всякомъ случаѣ въ барышѣ, — откликнулся крестьянинъ. — Утки вѣдь не мои, а вонъ бѣжить сюда ихъ хозяинъ.

Не успѣлъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! Упалъ прямо въ лужу въ новомъ костюмѣ!

— Я хотѣлъ его снять, но не успѣ-ѣ-ѣ-лъ...

Игры и занятія.

Лабиринты.

Многія наши игры и забавы имѣютъ очень древнее происхожденіе. Вамъ, навѣрно, приходилось уже рѣшать задачи, извѣстныя подъ названіемъ „лабиринтъ“, а можетъ быть вы и сами на грифельной доскѣ рисовали запутанныя комбинаціи ходовъ. Одинъ изъ такихъ лабиринтовъ изображенъ на рис. 1. Сперва рисуется правильный крестъ и въ немъ четыре прямыхъ угла (для ясности крестъ и углы изображены жирными штрихами) и наконецъ четыре точки. Затѣмъ проводятся вспомогательныя линіи (на рисункѣ онѣ изображены пунктиромъ) и — лабиринтъ готовъ. Въ данномъ случаѣ, однако, „лабиринтъ“ не представляетъ собою ничего особо запутаннаго, и тотъ Лабиринтъ, въ который проникъ герой греческой мифологіи Тезей, чтобы поразить полуубыка, получеловѣка, Минотавра, конечно былъ выполненъ посложнѣе. Какъ извѣстно, и Тезей выбрался изъ него только съ помощью нити, данной ему Аріадной.

Если мы познакомимся съ древнѣйшими критскими монетами, то на многихъ изъ нихъ найдемъ изображеніе лабиринта, и при

раскопкахъ, произведенныхъ на островѣ, найденъ былъ фундаментъ царскаго дворца, имѣвшаго столько запутанныхъ ходовъ, что попасть внутрь было немислимо, не зная плана постройки. На монетахъ изображенъ, конечно, не этотъ дворцовый лабиринтъ и не страшное подземелье, въ которомъ Минотавръ пожиралъ свои жертвы. Но несомнѣнно, что изображенія на монетахъ имѣютъ связь съ героической легендой о Тезеѣ.

Съ другой стороны, лабиринты строились и развалины ихъ найдены не только на островѣ Критѣ, но и въ другихъ странахъ. Такъ, на островѣ Готландѣ (Балтійское море) у Висбю найдены развалины лабиринта, изображеніе котораго мы даемъ на рисункѣ 2. По мнѣнію ученыхъ, этотъ лабиринтъ представлялъ собою храмъ въ честь небесныхъ свѣтилъ, которыя обожествлялись древними норманнами. Вѣдь до того, какъ Коперникъ открылъ законы небесной механики, движеніе планетъ было для человѣчества непонятно и объяснялось сверхъестественными причинами. Наблюдая движеніе планетъ, древніе варяги подмѣчали, что планеты движутся

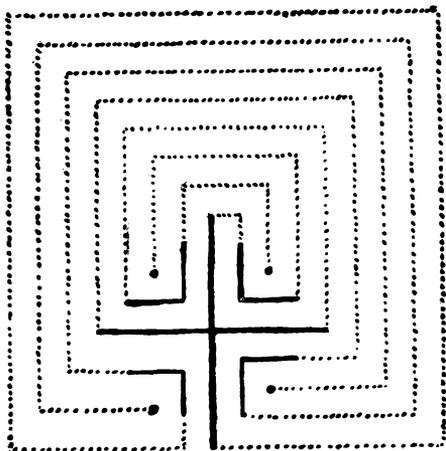

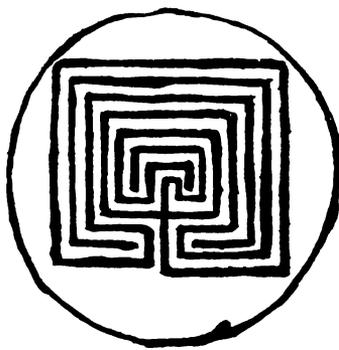
Рис 1

Рис 2.

по небу среди звѣзд по запутаннымъ кривымъ, то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, и этотъ ходъ свѣтилъ, повидимому,

и нашелъ свое отображеніе въ зигзагообразномъ рисункѣ лабиринта.

Рисункъ на монетахъ, найденныхъ при раскопкахъ на о. Критѣ.

Кто придумаетъ новый лабиринтъ?

Задача для нашихъ читателей.

Изъ вышеизложеннаго краткаго очерка и рисунковъ легко можно подмѣтить, что при постройкахъ древнихъ лабиринтовъ всегда примѣнялось опредѣленное правило, напри- мѣръ: лабиринтъ дѣлалъ поворотъ влѣво и затѣмъ два поворота вправо, поворотъ влѣво, два поворота вправо; или проводилась какая- нибудь комбинація въ томъ же родѣ. И вотъ, мы задаемъ нашимъ читателямъ вопросъ, сумѣютъ ли они придумать новый лабиринтъ? За лучшее разрѣшеніе задачи будутъ выданы 5 премій, при чемъ присланные на конкурсѣ „лабиринты“ обязательно должны

быть оригинальны по замыслу, и ходы тако- го лабиринта должны быть расположены въ строгомъ, регулярно повторяющемся по- рядкѣ, зная который можно было бы безо- шибочно проникнуть въ центръ лабиринта.

Попробуйте свои силы; лучшіе „лабиринты“ будутъ помѣщены нами въ отдѣлѣ задачъ, съ указаніемъ фамиліи авторовъ.

Участники конкурса должны прислать свои рѣшенія въ запечатанныхъ конвертахъ въ кювету „Юнаго Читателя“, снабдивъ тако- вые надписью „Лабиринтъ“, не позже 1 сентября с. г.

Отъ конторы журнала „Юный Читатель“.

1-го іюля истекъ срокъ полугодовой подписки. Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала, контора проситъ подписчиковъ не медлить со взносомъ подписной платы.

Подписная плата на полгода въ Латвіи Ls 6.—. Заграницей 1.75 дол.

Адресъ конторы: Latvija, Riga, Valdemāra ielā 63. Postkonto 917.

КОНКУРСЪ „ЮНАГО ФИЛАТЕЛИСТА“

Талонъ № 1.

Имя и фамилія

Адресъ

Мною собрано штукъ.

Талонъ вырѣзать, заполнить и послать редакціи вмѣстѣ съ остальными талонами этого конкурса не позже 1 сентября с. г. въ конвертѣ съ надписью „Конкурсъ Филателиста“.

Издательство „САЛАМАНДРА“

Продолжается подписка на 2-е полуг. 1926 г.

_____ на журналъ _____
для семьи и юношества

Юный Читатель

12 богато иллюстрированныхъ книжекъ журнала, **бесплатное приложение:** романъ Л. Кормчаго „Сѣрый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера и множество премій по конкурсамъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 лать (300 руб.)
Заграницей 1 дол. 75 центовъ.

Адресъ редакціи и конторы: РИГА, Вальдемарская улица № 63.
Тек. счетъ на почтѣ 917.

Съ № 13-го въ журналѣ „Юный Читатель“
новое бесплатное приложение:

СѢРЫЙ ДОМИКЪ

Большой романъ Л. Кормчаго
съ иллюстраціями Г. Дайбера.

Романъ рисуеть полную приключеній жизнь мальчика на одномъ
изъ острововъ Прибалтики.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Новое лицо въ сѢромъ домикѣ. II. Викъ
устраивается на новомъ мѣстѣ. III. Таинственный незнакомецъ.
IV. Страшная находка. V. Въ сѢромъ домикѣ неприятности.
VI. Ночь, полная тайнъ. VII. Признаніе убійцы. VIII. Старый
знакомый въ сѢромъ домикѣ. IX. Послѣсловіе.

Романъ заключаетъ свыше 200 стр. текста и 25 иллюстрацій.

Стоимость книги въ отдѣльномъ изданіи 5 латъ (250 руб.).

≡ ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ≡

РОДИНА

Сборникъ для дѣтей и юношества
подъ редакціей о. М. БУРНАШЕВА

Изданіе Акц. О-ва
„САЛАМАНДРА“

Содержаніе: Прологъ изъ поэмы „Русланъ и Людмила“, Богатыри святорусскіе, Щелканъ Дудятевичъ, Гришка Разстрига, О Христовѣ Вознесеніи, Стихъ о книгѣ голубиной, Слово о полку Игоревѣ, Изъ „Иного сказанія“, Воззваніе архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, Троицкая грамота, О Ершѣ Ершовѣ, сынѣ Шетинниковѣ (народная сказка), Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, Куликовская битва, Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, Праведная Ульянія Лазаревская, Мѣдный всадникъ, Передъ сраженіемъ (Л. Толстого), Сорочинская ярмарка (полностью), Бѣжинъ лугъ (полностью). Стихи Лермонтова, А. Толстого, К. Р. Никитина, Бувина, Некрасова, Кольцова.

60 иллюстрацій въ текстъ съ картинъ русскихъ художниковъ:
Н. П. Богданова-Бѣльскаго, А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, С. А. Виноградова,
М. В. Добужинскаго, Б. М. Кустодіева, И. И. Левитана, Н. К. Рериха и др.

**Четыре цвѣтныхъ репродукціи съ картинъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго,
В. М. Васнецова, И. И. Левитана и В. Е. Маковского.**

Цѣна 1 латъ. Заграницей 25 ам. цент.

Продажа во всѣхъ книжн. магаз. и въ редакціи Рига, L. Kaleju ielā 43.

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ вниманіе русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ ПО
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премию въ сто латъ (5000 рублей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара. Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 36-12 Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Двухнедѣльн. иллюстри-
рованный литературно-
художественн. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандз, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. № начиная съ № 14 — 50 руб. въ Латвіи, 25 ам. ц. загр. Подписная плата съ 1 марта на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 латовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер. На 1 мѣсяць въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 лит., за границей — 50 ам. цент. Подписная плата за комплекты **Январь-февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., въ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 лит., загр. — 1 дол. 25 цент. **Комплектъ за 1925 г.** — №№ 1—8 высылается: за 6 лат. въ Латвіи, 15 лит. въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу. Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на зтрѣть счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 916“.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Акц. Общества „Саламандра“, Рига (Латвія), б. Кузнечная 43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацию и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи. * Въ „СЛОВѢ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяць, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ „ „

Пріемъ объявленій открытъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ. „Капитанская дочка“ — цѣна 60 сант. (30 руб.)

Вышелъ вып. 2-ой: Н. В. Гоголь. „Тарасъ Бульба“.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 36-12.

ОПТИКА и ВСЬ
принадлежности для фотографіи
Рига, Бульв. Аспазіи № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во **„ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“** Якц. О-во

уголъ Театральной ул. и бульв. Аспазіи.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гулливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гриввудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждановъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Иликъ
Истмень. Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопытъ
Маленькій король
Слонику Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофианъ. Щелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковскій. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Непровичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форелундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихоть
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранные рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гедниъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Іерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.